

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КРЕТИНИЗМ ЛЕЧИТСЯ ПУЛЕЙ

БУМБАРАШ

2017

ГАЗЕТА РОССИЙСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
№ 6 (25) ОКТЯБРЬ 1995 г.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

АНАЛИТИКА

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ОДНАЖДЫ КОММУНИСТЫ ВЫИГРАЛИ НА ВЫБОРАХ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

3-4 октября коммунистические и патриотические организации отмечают траурную годовщину расстрела буржуазным режимом Ельцина парламента России - Верховного Совета РСФСР. Но это не единственная скорбная дата. В сентябре исполнилось четверть века с момента победы на выборах в Чили левых сил и двадцать два года со дня кровавого контрреволюционного путча. Трагедия не была случайной, она продемонстрировала, что сущностью любого внешне "либерального" буржуазного режима является диктатура капитала, переходящая при обострении классовых борьбы в открытый фашизм. Через боль памяти о жертвах, о смерти наших товарищей мы должны проститься с парламентскими иллюзиями.

В некотором царстве, в некотором государстве, давным-давно... Давно ли? Эту историю молодежь воспринимает так, как будто она происходила чуть ли не в средние века. Между тем, мы, очевидцы эпохи, никуда не делись. Мы тусуемся в ваших компаниях, сохранили все зубы и волосы, ваши сверстники становятся нашими подругами. Прошло только 25 лет... Прошла целая жизнь. И так, давным-давно — ВЧЕРА!

Страна, вытравливаясь у подножия Анд, пылала как бикфордов шнур. Столичные бульвары Сант-Яго вместо чопорных идалго заполняли толпы взволнованной молодежи, студенты, рабочие, какие-то бородастые типы в камуфляже, вынырнувшие из партизанских отрядов в сельве, хищники, искатели приключений и просто любопытные, собравшие со всех стран "южного коноуса" посмотреть и поучаствовать в невиданном деле — первой в мире бескровной неназойливой революции. Еще только недавно отгремели залпы в Сьерра-Маэстра, еще жив был в людских сердцах неистовый Че — кумир молодежи второй половины XX столетия. В то время даже в странах Запада считаться революционером было модно, «капитализм» был ругательным словом (его старались избегать в своих трудах даже его апологеты), и революционные изменения в Южной Америке, стране вулканических гор и вулканических темпераментов, казались неизбежными. И вот — как будто началось.

Чили среди других латиноамериканских стран всегда славилась высоким уровнем культуры. Ее население почти наполовину состояло из выходцев из Европы, отличалось поголовной грамотностью, а общественные отношения не были отягощены пережитками средневековья и расовой вражды. Военное и политическое руководство Чили со-

вершенствовало свое образование в университетах и военных академиях США и Европы. Вдобавок к этому в стране был значительный (по латиноамериканским меркам) «средний класс», а разрыв между нищетой и богатством не был столь удручающим, как у соседей по континенту. Ясно, что эти особенности направили борьбу левых сил Чили в парламентское русло. И вот столь долгожданная победа пришла. Полная и окончательная? Нет, конечно. Кандидат блока Народное Единство обошел своего основного соперника от буржуазной Национальной партии всего на 39 тыс. голосов. В Национальном Конгрессе соотношение мандатов было таково: Народное Единство - 89, Христианские демократы - 72, Национальная партия - 39. Пришлось идти на компромиссы, подписывать «Хартию Национального Согласия» и, тем не менее, 3 ноября 1990 года кандидат блока коммунистов, социал-демократов и левых радикалов доктор Сальвадор Альенде принес присягу как очередной президент Республики. Впервые случилось то, что предназначено было еще в трудах классиков марксизма, осуществилась возможность, которой оправдывали свою предательскую деятельность все социал-реформистские партии — переход власти в руки трудящихся путем свободного волеизъявления народа на демократических выборах. Сопротивление властвовавших классов? О нем никто не думал всерьез. Да и что могли сделать эти «бывши», когда демонстрация солидарности с правительством собирали до полу-миллиона человек — это в стране-то с десяти-миллионным населением!

Получив власть и раздав министерские посты (компартия Чили получила министерства финансов, труда и общественных работ), надо было решать, куда идти дальше. Был соблазнитель-

МОЛОДЕЖЬ МОСКВЫ ВЫБИРАЕТ РЕВОЛЮЦИЮ

Компартия, из которых наиболее известны парламентская КПРФ Г.Зюганова и «партия митингов и демонстраций» РКРП (московский лидер В.Анпилов), наперегонки побежали на выборы в Госдуму. Забыв предназначение коммунистов — перевернуть весь мир насильем, разрушить до основания и т.п., они хотят восво участвовать в институтах буржуазной власти, под разным благовидными предложениями «интегрируются» в политическую систему «временного оккупационного режима». Разоблачение КПРФ как реформистской партии и снижение влияния РКРП сопровождается консолидацией внутри коммунистического движения групп революционной коммунистической молодежи.

1. Внутри Российского комсомола, помимо прокапзэрэфно-«думского» направления, берет новое дыхание работа по созданию революционной «внепарламентской оппозиции».
2. От «занудной старухи» Нины Андреевой (ВКПБ) сбсжали талантливые молодые ребята в красных рубашках — молодые большевики, создали Всесоюзную Коммунистическую Рабочую Партию Большевиков.
3. От анархистов откололась революционная часть во главе с лидером Российской «Студзащиты» Димой Костенко.
4. В «Трудовой России» выделилась группа молодых ребят, резко недовольная бездельностью руководства, нежеланием участвовать в реальных трудовых и социальных конфликтах.
5. В молодежной организации Московской РКРП наметился конфликт между разжигателями культуры личности Анпилова и теми, кому надоело быть мальчиками и девочками на побегушках у вчерашнего «народного героя», а ныне благоухающего кандидата в депутаты (президенты).
6. Из Левого информцентра вычленилось Агентство социально-политической информации — группа молодежи, нацеленная на сбор и анализ информации о социальных, трудовых и классовых конфликтах в буржуазной России.

Между группами намечается идеологическое и организационное сближение. Каждая из групп имеет свою «специализацию» (научная, идеологическая работа, издательская деятельность, пикетирование заводов и организация рабочего движения, военно-спортивная работа, использование возможностей Госдумы, информационно-аналитическая работа). Учащаются совместные акции (выпуск листовок, газет, агитация, выход на митинги, научная работа и т.п.). В ближайшее время можно ожидать дальнейшего развития сотрудничества — организационное оформление его (планы совместных мероприятий и т.п.).

Вне всякого сомнения, уже простое суммирование возможностей революционной коммунистической молодежи подготовит качественный скачок в коммунистическом движении. Конец 1995 года будет рубежом — мы стоим на пороге нового этапа революционного движения в России.

Михаил РУБИН, член МК РКСМ.

ОФИЦИОЗ

Пленум Центрального Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи

2 сентября 1995 года в Москве состоялся 4-й пленум ЦК РКСМ. Пленум почтил память трагически погибшего члена ЦК Игоря Берендяева. Были рассмотрены следующие вопросы:

1. Об итогах работы ЦК РКСМ за прошедшие полгода. Особо отмечено проведение Всероссийского студенческого форума, Всероссийского летнего лагеря труда и отдыха в Пензе и Межрегионального лагеря в Московской области.
2. О планах на осенне-зимний период. Намечено провести две научно-практические конференции и зимний лагерь, принять участие в выборах в Госдуму и в региональные органы представительной власти.
3. Организационные вопросы. Пленум вывел из состава ЦК

В.Осипова (Москва), Ю.Гусакова (Ростов-на-Дону), ввел в состав ЦК Е.Горюнову (Московская обл.), Д.Пичкасова (Пенза). Пленум избрал секретарями ЦК Е.Полиновскую (Новосибирск), И.Макарова (Воронеж), Д.Митину (Москва), В.Новикова (Московская обл.). Пленум ввел в состав Бюро ЦК И.Макарова и Д.Митину. Пленум избрал кандидатами в члены ЦК А.Покатаева (Тула), И.Костикову (Москва), А.Богатырева (Тамбов), И.Башунова (Барнаул).

Перед участниками Пленума выступил приглашенный в качестве гостя лидер КПРФ Г.А.Зюганов. Он пропагандировал избирательную платформу блока Коммунистической партии Российской Федерации и призвал членов руководящих органов РКСМ к четкому политическому самоопределению.

НАША ЛИСТОВКА

14 октября - День студенческого протеста

ВСЕ НА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ МИТИНГ!

Студенты вузов и техникумов, учащиеся ПТУ и школьники!

АНТИМОЛОДЕЖНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЕЛЬЦИНА ПЛЮЕТ НА НАШЕ БУДУЩЕЕ.

Оно душит молодежь безработицей, непрерывно растущими ценами.

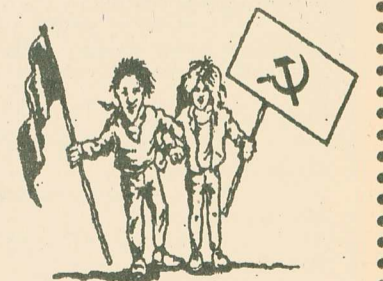
Министр Грачев призывает в армию — и нас убивают в бессмысленных войнах.

Нас мроят голодной, нищенской стипендией, в плату за обучение отбирают последние гроши.

Нас спаивают дешевой низкопробной водкой, поощряют звериную порнографию и скотскую проституцию, превращают в убожков.

Правительство смотрит сквозь пальцы на мафиозных пауков, под пули которых может попасть каждый. Бандиты затягивают энергичную молодежь в свою паутину.

Ельцин и Черномырдин сами доводят молодежь до взрыва!

И ЭТОТ ВЗРЫВ — РЕВОЛЮЦИЯ. ОНА НЕМИНУЕМА!

Недоедание, невозможность создать крепкую семью и прокормить ее, бессмысленная смерть на захватнической войне, еще более жестокая, чем раньше, дедовщина в продажной армии, жизнь в обществе всеобщей продажности, где мафия — хозяин, — вся эта гадость будет сметена метлой революции. Единственный путь — через революцию к социализму!

Девушки и парни! Если вы — против безработицы, нищеты и капитализма, если вы не хотите быть рабами — выходите на митинг протеста 14 октября!

РЕВОЛЮЦИЯ — ВПЕРЕДИ. ДАЕШЬ МИТИНГ ПРОТЕСТА!

ФРОНТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ (Профсоюз «Студенческая защита», Московская молодежная организация РКРП, Российский Коммунистический Союз Молодежи, молодежь «Трудовой России», Всесоюзная Коммунистическая Рабочая Молодая Гвардия Большевиков, Инициатива революционных анархо-коммунистов).

Митинг состоится в субботу, 14 октября 1995 года на площади Эрнста ТЕЛЬМАНА (1 мин. ходьбы от метро «Аэропорт»). Начало в 14.00.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

РЕВОЛЮЦИЯ — ДЕЛО ВЕСЁЛОЕ

Ответы Первого секретаря Центрального Комитета Российской Коммунистической Рабочей партии В.А.ТЮЛЬКИНА на четыре вопроса «Бумбараша»

— Виктор Аркадьевич, в чем Вы видите главное отличие РКРП от других партий, именующих себя коммунистическими?

— РКРП, при всех недостатках, объединяет именно тех коммунистов, на которых сломал шею Михаил Сергеевич Горбачев. Мы начали сопротивление капитализации страны, которую осуществляло руководство КПСС, задолго до 1991 года. В 1989 году, наряду с обществом «Единство» Нины Андреевой, в Москве и Ленинграде были созданы Ассоциации научного коммунизма. В 1990-91 годах крепнувшее сопротивление обрело форму ИСКРА — Инициативного съезда коммунистов России. Это было самое трудное время. КПСС приняла курс на «рынок», «политический плюрализм», фактически на реставрацию буржуазных отношений.

Самое страшное, что первые шаги капитализации, принятие закона о частной собственности, выборы антинародных депутатов и т.п. проводились от имени коммунистов, ведь КПСС

была правящей партией. Это сковывало подлинно коммунистические силы: ненависть народа, вызванную самыми первыми язвами капитализма, умело направлялась на коммунистов.

Главное достижение этого периода в том, что мы не дали принять горбачевский проект новой программы партии, который бы полностью трансформировал КПСС в партию другую по сути и по названию — в социал-демократическую. Мы помешали завершить контрреволюцию под флагом «коммунизма». Вадим Бакин в мае плакался на «крутом столе», посвященном десятилетию начала «перестройки»: многое из задуманного не удалось потому, что «потеряли партию» из-за растущего сопротивления коммунистов. Из КПСС были исключены А.Н.Яковлев, С.Шаталин, Э.Шеварднадзе. Действовал комитет по созыву Внеочередного XIX съезда КПСС.

И тогда был разыгран фарс с ГКЧП в августе 1991 года. Партийно-хозяйственная номенклатура, стремившаяся к капитализму, была вынуждена сбросить маски и перейти к открытому антикоммунизму: запрет и роспуск КПСС, уничтожению СССР.

— В чем специфика оценки вашей партией текущего политического момента?

— Сегодня мы видим, что горбачевщина — болезнь, погубившая КПСС — продолжает косить ряды коммунистов. Измена делу рабочего класса не в 1985 году началась, борьба с оппортунизмом имеет гораздо более глубокую историю, она не прекращается уже полтора века, со времени «Коммунистического манифеста». Ленина обвиняли в «догматизме», когда он разоблачал и громил ревизионистов, которые пытались приспособить марксистскую терминологию для обслуживания классовых интересов буржуазии под видом «творческого развития». Оппортунизм способен принимать любые облики, подстраиваясь под изменившуюся ситуацию. Так, сегодня идеолог КПРФ Ю.Белов, партпарламентчик горбачевской закалки, выдает великих революционеров В.И.Ленина и И.В.Сталина за «оппортунистов» и «патриотов»...

Нарастает правый уклон! Сейчас в коммунистическом движении завершается образование пятой колонии, агентов влияния буржуазии. Это классическая ниша «еврокоммунизма». Такие «коммунисты» по названию будут во всю критиковать буржуазную власть, но не будут БОРЬБЫ за ВЛАСТЬ РАБОЧИХ. Не будут создавать структуры в рабочем движении, которые смогли бы разогнать и все буржуазные парламенты, и исполнительные структуры. Ссылки на «легитимность», «конституцию» — только отговорки. Наша коммунистическая позиция — не признавать законы, обеспечивающие ограбление трудящихся.

— Спасибо, ясно, чего коммунисты не должны делать и с чем бороться. А какова положительная программа действий для последовательных защитников интереса рабочего класса?

— Коммунисты должны однозначно ликвидировать всякую «многоукладность» экономики, а не угождать и прислуживать «цивилизованным» предпринимателям, которые «за законность и социальную защиту». Разоблачать тезис об «исчерпанности лимитов на революции» и «концепцию устойчивого развития» (которую выдвигают чуть ли не как программный курс КПРФ) как реализацию желания партбюрократии, разорвавшей общенародную собственность, обеспечить себе стабильность.

Коммунисты будут добиваться коренной смены ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ, а не смены РЕЖИМА. Либерализм и фашизм есть лишь разные формы политического господства капитала, мы же должны помочь рабочему классу завоевать ничем не ограниченную политическую власть. Еще Ленин определил, что организационно компартия — дисциплинированная полувоенная организация, способная сочетать легальные и нелегальные методы работы.

— Виктор Аркадьевич, каковы «болевые точки» движения, на что нужно обратить главное внимание, в особенности — молодым коммунистам?

— Да, молодежи пока недостаточно. Ей хочется дела на грани риска. Показывая митинги, телевизионщики любят смаковать немощ стариков. Зато во время обороны Верховного Совета РСФСР операторы показывали одних «бравых»... Все просто: где активная борьба, там и молодежь. Я уже говорил, революция — дело веселое. Мы должны отыскать самых лучших партийцев и направить их работать с молодежью.

Главное, чтобы юноши и девушки понимали, за что они борются в рядах Коммунистической партии, были твердо убеждены в правоте коммунистических идеалов. Коммунизм не терпит безголовцев. Кто не понимал ничего на XXVIII съезде КПСС, тому все последующие события (август 1991 года и сентябрь-октябрь 1993-го) мало что добавили. Без революционной теории победа на выборах легко и неизбежно обернется поражением. В Литве на чисто ностальгических настроениях населения вернулся к власти горбачевский выдвигенец «коммунист» Бразускас. И капитализм продолжает укрепляться, и вина за это лежит на «левых» — «перестроившихся» в социал-демократы капзэсэсниках.

АНАЛИТИКА

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ОДНАЖДЫ КОММУНИСТЫ ВЫИГРАЛИ НА ВЫБОРАХ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Окончание. Начало на стр. 1.

ный путь — не «дрязга гусей», слегка подгримировать социальную сферу и пустить все своим чередом (именно так поступил во Франции Ф.Миттеран: прйдя к власти при поддержке компартии и с лозунгами чуть ли не построения социализма, он очень быстро избавился от «неудобного» идейного багажа). Но не таковы были идеалы Альенде. Под его нажимом 11 июля 1971 года была принята поправка к конституции, объявившая Чилийское государство единственным собственником всех природных ресурсов. Опираясь на нее, 28 июля была национализирована медноурная промышленность. Американской компании Анаконда Майндс крепко прищемили хвост. Ответного удара долго ждать не пришлось. В мае 1972 года забастовали служащие медноурной промышленности, в результате чего были эффективно сорваны экспортные поставки в Европу. Забастовки организовывались с размахом, денег хватало. Только из федеральных фондов США через АТФ-КПП прошло 13 млн. долларов. Кош-что подбрасывала небезвестная корпорация ИТТ, поэтому бастовать стало гораздо выгоднее, чем работать.

Экономику страны дезорганизовывали со знанием дела, не стесняясь в средствах. Хотя уже к концу 1972 года из 26 банков 20 и соответственно 90% рынка кредитных ресурсов оказалось в руках государства и государственность контролировала более 50% ВНП, буржуазия сумела изъять из производства и перевести за границу 680 млн. долларов; надо еще помнить, что тогдашний доллар был не чета нынешнему. В результате за 9 месяцев 1972 года инфляция составила 64%, а за тот же срок 1973 года — 323%.

Средства массовой информации, в большинстве своем оставшиеся «независимыми», как могли обостряли ситуацию, раздувая «психоз покупок», а замораживание правительствам цен привело к единственно возможному результату — голым прилавкам. В открытую шли призывы к саботажу, припрятыванию товара, на владельцев магазинов, не присоединившихся к этой кампании, «наезжали» молодчики из «Патриа и Либертад».

Но наиболее уязвимым местом в экономике страны, куда раз за разом была контрреволюция, была система транспорта. В Чили практически нет железных дорог, и все перевозки осуществлялись грузовыми автомобилями, большая часть которых находилась в частных руках. Вот эти владельцы грузовиков и стали тараном, с помощью которого буржуазия разрушала национальную экономику. Вот хроника событий: октябрь 1972 — забастовка 30 тысяч водителей. К ним присоединяются 130 тысяч владельцев промтоварных магазинов. Декабрь — забастовка владельцев пассажирского транспорта, как результат — практическая остановка сотен предприятий, персонал которых не мог добраться к месту работы. В конце июля 1973 года снова забастовка 40 тысяч вла-

дельцев грузовиков и нескольких сотен тысяч лавочников. К ним не постеснялись присоединиться частнопрактикующие врачи. Забастовка продолжилась вплоть до переворота.

Не надо думать, что реакция пользовалась только легальными методами борьбы. Военизированная организация «Патриа и Либертад» начала свою деятельность еще до утверждения Сальвадора Альенде в должности президента, сразу же после выборов. Голосование прошло 4 сентября, а уже в конце месяца был убит главнокомандующий чилийской армией генерал Рене Шнейдер, отказавшийся выступить против решения избирателей. В послужном списке террористов за два года более 600 диверсий на путях сообщения, линиях электропередач, складах, а также две попытки путча — в ноябре 1971 года и 29 июня 1973 года, и убийство президента А.Арайа, мешавшего подготовке путча на флоте. «Демократическое» министерство безопасности только раздувало руки. Да и в самом деле, может ли буржуазное государство остановить буржуазию, рвущуюся к восстановлению своего господства?

Итог был закономерен. Несмотря на то, что мартовские выборы 1973 года принесли Народному Фронту 43,4% голосов против 36,3% на президентских выборах 1970 года, а в начале сентября 1973 года была организована демонстрация солидарности с правительством Народного Единства, собравшая более 1 миллиона участников (еще раз напоминаю, что население страны чуть более 10 миллионов, то есть это было явное большинство дееспособных граждан), и Альенде наконец-то решился затребовать для себя полномочия, достояние, чтобы бороться с хаосом, было уже поздно. 23 августа командующий чилийской армией Карлос Прадс, до последнего стремившийся удержать ход событий в рамках буржуазной законности, вынужден был подать в отставку. В должности главнокомандующего президентским указом был утвержден генерал Августо Пинчот, которого Альенде считал своим другом. На аудиенции перед принятием назначения этот молодой способный офицер, с отличием окончивший военную академию Вест-Пойнт в США, обещал президенту, что он-то уж наведет в стране порядок. И генерал знал, что говорил. Операция «Кентавр», разработанная при деятельном участии ЦРУ США, началась.

В 7 часов 50 минут утра 11 сентября 1973 года радиостанция Агркультура передала заявление мятежников. «... Чилийские вооруженные силы едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига». Подписано: Августо Пинчот — главнокомандующий сухопутными войсками, Хосе Мерино — ВМС, Уставо Ля — ВВС, Сесар Мендоса — корпус карабинеров.

Президент Альенде остался во дворце Ла Монеда менее чем с сотней вооруженных сторонников. Защищать его было некому. Компартия Чили, в которой было 200 тысяч членом, рабочие стили-

ных предприятий, активисты Народного фронта были разоружены его собственным же указом «О контроле над оружием».

Дальнейшее известно. Альенде было предложено «разойтись по-хорошему» с обещанием безопасного выезда из страны. Но Сальвадор Альенде был, быть может, плохой политик, но храбрый и благородный человек. Он не исчез из своего «Белого дома» накануне штурма, как Зюганов, не хранил на своем автомате заводской смазки, как Ручкой, но предпочел сражаться и умереть на своем посту. Записав последнее обращение к нации, переданное одной из радиостанций, еще контролируемой Народным Фронтом, он, по свидетельству очевидцев, в каске и с автоматом занял место у одного из окон. Оборона была героической и безнадежной. Тем не менее, первая атака на Ла Монеда захлебнулась. На площади задири подбитый выстрелом из гранатомета танк. Тогда в воздухе появились боевые самолеты. После бомбардировки и обстрела ракетами здание было частично разрушено, верхние этажи горели. После этого из дворца вышла группа женщин, среди них — жена Альенде Ортенсия. Путчисты снова пошли в атаку. Уцелевшие защитники — их осталось слишком мало — не смогли воспрепятствовать их проникновению во дворец. О бое, продолжавшемся на лестницах и в коридорах, неизвестно ничего. Пленных и раненых не оказалось.

Мы, современники этого героического момента истории, восприняли чилийскую трагедию с сочувствием, но в общем то отстраненно. Страна нежилась в удручающих условиях «развитого социализма», и самые сильные эмоции пробуждались в массах разве что в очередах за модными импортными шмотками. Мысль примерить к себе чилийский опыт казалась столь же дикой, как возможность шапестия маршала, и то, что уже проектируется отечественный «Ла Монеда», а где-то подрастают юные пинчотники, придумать не могли бы даже братья Стругацкие. Но, тем не менее, история учит: никогда не говори «никогда».

Прошло всего 20 лет, и холодными сентябрьскими ночами выплыл из прошлого тот давний, «не имеющий к нам ну никакого отношения» кошмар. Пламя костров, баррикады в центре Москвы, заделенная глыба огромного здания за спиной, смотрящая черными дырами окон на невозможное: колючую проволоку и опетинившиеся столами кольцо мятежников. Холод, голод, танковый рев, пожар, кровь, сотни трупов, тайно вытравленные через спидермы, стадион, куда стояли пленные и шербины от пуль в боистных стенах разведвалок.

И вот теперь новый иску. На предстоящих выборах оппозиция, и в первую очередь компартия, реально могут получить большинство голосов. В должной ли мере учтен опыт Народного Фронта Чили? Не получится ли так, что когда получившие призраки власти коммунисты попрубуют завертеть рулевое колесо государственного корабля в соответствии со своими предвыборными обещаниями, буржуазия предпримет испытательный прием — развал снабжения, забастовки, иностранное вмешательство, террор. Есть ли у оппозиции люди и структуры, которых можно послать захватывать национализированные банки, устанавливать контроль над армией, ловить диверсантов, разгонять «частные армии» буржуйчиков? Что-то незаметно, или они до поры слишком уж хорошо маскируются. Хорошо, если бы так, но более вероятно, что выиграв выборы, поклонники государственности и законности из КПРФ и все, что им угодно, лишь поддержат в руках непосильную ношу власти — и вновь выронят ее, вновь дискредитируют перед народом поруганные идеалы социализма.

Юрий КЛОЧКОВ (Рис. В.ШУРЫГИНА).

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

2 октября секретарю ЦК РКРП, лидеру "Трудовой России" В.И.АНПИЛОВУ исполнилось 50 лет. Сердечно поздравляем Виктора Ивановича в стихотворной форме и желаем ему новых побед над империализмом!

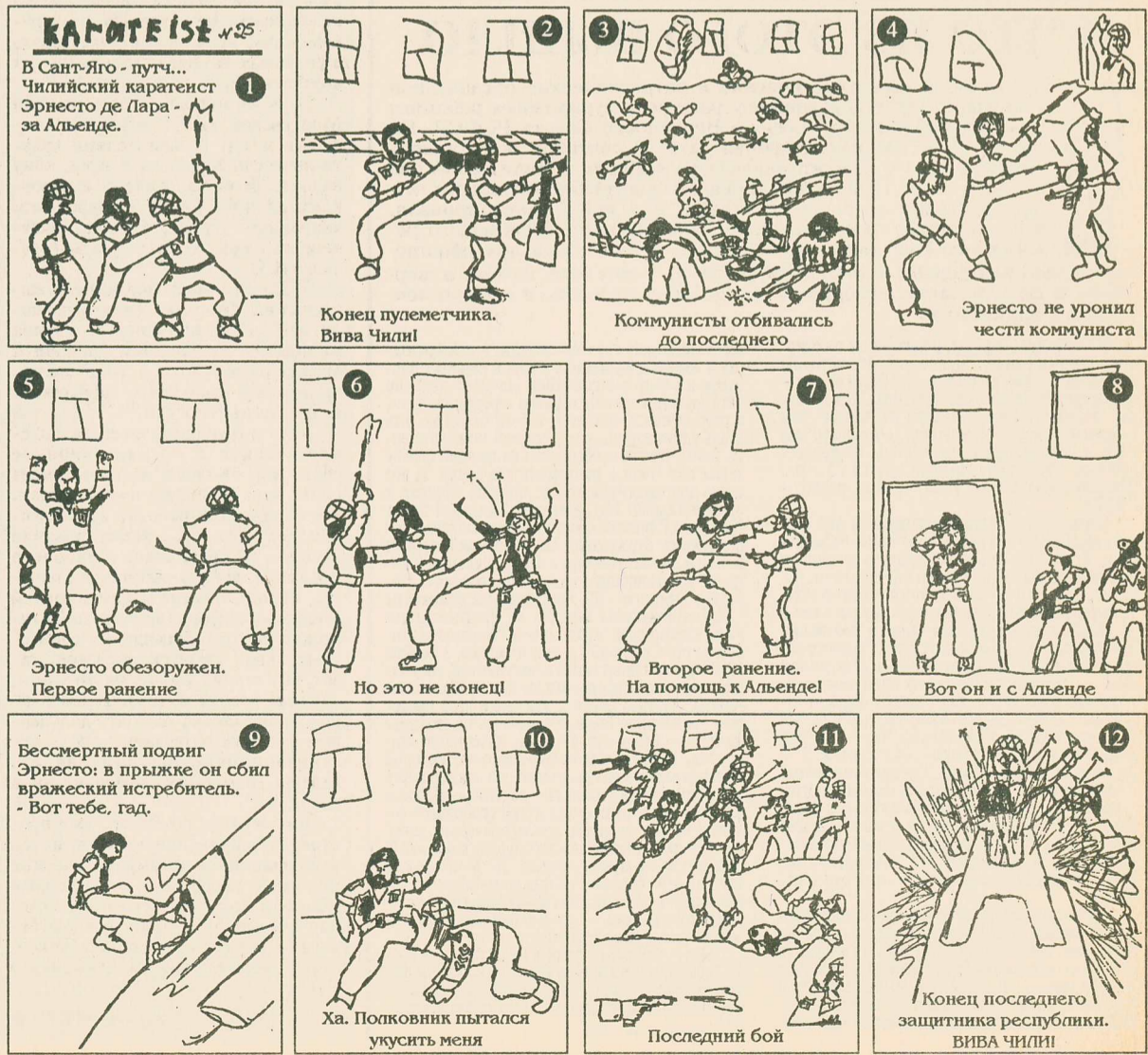
БАЛЛАДА ОБ АНПИЛОВЕ

Товарищ Анпилов, народный герой, Веди нас к победе, веди за собой! А если предательство, пытки и смерть - Народные песни споют о тебе! Анпилов... Анпилов...

Тебе не страшны ни войска, ни ОМОН, Когда поведешь ты толпу напролом, Мосты, телеграф, почта и телецентр - Всеобщая стачка, буржуям всем смерть! Анпилов... Анпилов...

Ты храбро развеешь предателя вдрызг, Да здравствуют Родина и Коммунизм! Придет для народа счастливый момент И будешь ты красивый для нас Президент! Анпилов... Анпилов...

Давид ШУХЕР, студент филологического факультета МГУ.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ АКТИВУ

В прошлом номере «Бумбараш» мы опубликовали статью о Гегеле, самом крупном представителе немецкой классической философии (первого источника марксизма), которая, будучи материалистически переработана, легла в основу пролетарской философии диалектического материализма, этой первой составляющей части марксизма. Утопический социализм — второй источник марксизма, и в этом номере для системы идеологической учебы комсомольцев предлагается статья о Шарле Фурье. На примере его социальной системы можно ознакомиться с утопическим социализмом, непосредственным предшественником научного коммунизма как второй составной части учения Маркса-Энгельса и Ленина-Сталина.

В трудах классиков марксизма-ленинизма очень мало набросков грядущего коммунистического общества, потому что все наброски уже сделали до них, а конкретизация в ходе практического воплощения все-таки отличается от первоначального проектирования. Основоположники марксизма-ленинизма отделили в утопии сказку от предвидения и превратили социализм «из утопии в науку». А при И.В.Сталине в СССР смелые прозрения социалистов-утопистов были воплощены на практике — в полном согласии с замечанием Ленина о том, что многое из того, что в мечтаниях старых утопистов при буржуазном строе было фантастично и даже пошло, ставится на повестку дня после победы социалистической революции.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

ПРОРОК ГРЯДУЩЕГО МИРА

Народные массы в классовом обществе, из века в век поднимаясь на борьбу против поработителей, вдохновлялись мечтами о справедливом общественном устройстве. Лучшие представители образованных сословий развивали эти мечты в книгах-утопиях. Религиозные фантазии обещали трудящемуся народу лучшую долю в «загробном мире», народные предания относили «золотой век» в далекое прошлое, мыслители-гуманисты располагали идеальные общественные механизмы где-нибудь на дальних островах, подальше от мира наживы и угнетения. Только развитие крупной машинной индустрии создало материальные и социальные предпосылки построения «царства божьего» на земле.

1. НЕПОЯТЫЙ ПРОФИДЕЦ

Франсуа-Мари-Шарль Фурье родился 7 января 1772 года в Безанзоне. Когда ему было 9 лет, отец умер, оставив наследство в 200 тысяч ливров — оговорив выплату по частям при условии, что сын посвятит себя коммерции. Сам Шарль с детства был усидчив, прилежен, а повзрослев, стал чрезвычайно работоспособен, постоянно продолжал самообразованием ночи напролет. Он выработал у себя разносторонние дарования — увлекся техникой и естественными науками (математикой, физикой, географией), также писал сатирические стихи, играл на нескольких музыкальных инструментах.

В юности Фурье мечтал поступить в инженерную школу для дворян. Но мать отказалась купить титул, настояв на выполнении заветов отца. Шарль был вынужден, после двукратной попытки бегства, подчиниться угрозам матери, посвятить себя коммерции, в 1790 году пошел слугой к купцу в Ликоне. В 1792 году, после смерти отца, начал вести свое дело, но торговым командировкам обездолить Францию. В одной из поездок он сделал для себя важное открытие, которое сравнил со знаменитым «яблоком Ньютона»: одно и то же яблоко в парижском ресторане стоило 10 су, а в Нормандии — в 100 раз дешевле... Блестящие личные способности Фурье, горячую страсть к познанию, великолепную память приходилось употреблять на обустройство нечистоплотных торговых машин. Фурье с негодованием вспоминал, как приходилось с юрбаля высылать груз корицы в море, чтобы цены не упали. Тогда он дал «гантиабову клятву» ненавидеть торговлю.

Но вскоре грянула Великая Французская революция. Фурье побывал в Париже — революционной столице, имел возможность видеть картины классовой борьбы, волею восставшего народа — Робеспьера, Марата, Дантона. В мае 1793 г. вспыхнул контрреволюционный путч Шалле, имущество Фурье реквизировали, а самого — мобилизовали. После подавления контрреволюции он избежал наказания, вступил в революционную армию в состав рейнско-мозельских конных егерей, а через три года демобилизовался по состоянию здоровья. Навсегда в его душе сохранился страх перед революционными потрясениями. Он убоился восстания пролетариата в 1831-34 годах, хотя именно этот класс и именно в результате революционных выступлений смог воплотить важнейшие положения его теории века спустя.

После революции всю свою последующую жизнь Фурье посвятил критике бегущего буржуазного строя, разработке своей социальной теории, обличающей «социетарную гармонию» — общество коллективного привлекательного труда, меньшего обличающего планет и самого человека. С 1829 г. до конца жизни он живет в Париже. Его облик неординарен, ни непохож ни на нуворишей, занимавших ключевые посты в обществе, ни на светских процельев. Большая красивая голова, мягкие седые волнистые волосы, высокий лоб, огромные голубые глаза. Крепкий орлиный нос, резкие складки у рта, плотно сжатые тонкие губы. Простой, приятный, педантичный, аккуратный. Всегда был крайне расстроен, поглощен мыслями, разговаривал с собой. Синий сюртук, аккуратно повязанный вокруг шеи белый шарф.

Каждый день в один и тот же час Фурье выходил из дома, в кафе за чашкой дешевого кофе просматривал газеты. Помогал бедным, никому не говоря об этом, даже незаметно для тех, кому помогал. Любил детей, тонко понимал женщин, но прожил холостяком. Его комната с оранжереей огромная цветочный магазин, и потому Фурье терпеть не мог гусениц и пауков. Зато в его карманах всегда находилось лакомство для кошек. Каждое утро приходил к двору посмотреть смену караула. Любил идти за полком солдат, смотреть парады, слушать военный оркестр. Любовался Парижем, его дворцами, садами, планируя архитектуру, планы реконструкции городов в грядущем социетарном обществе.

Фурье разгадывал социальный ребус, набрасывал план будущего общества. В 1808 году он заканчивает книгу «Теория четырех движений», в 1816-м, живя в деревне — «Трактат о домашней земельной ассоциации», в 1828-м — «Новый промышленный и общественный мир». Теория подсказывала: уже черное устройство серийного механизма производит переворот в социальной науке и политике. Даже первые шесть недель деятельности фаланги (коммунистической общины), наблюдение начала действия трудового приращения — сильнейший удар по строю цивилизации. Ровно в полдень Фурье был дома, ждал капиталистов, политических деятелей, которые бы вложили необходимые средства в осуществление его планов. Странно, что никто не спешил это сделать — ведь богатей, построив фаланстер (производственно-потребительскую коммуны), в считанные месяцы перестроил бы мир, приобрел сверхприбыли и бессмертную славу...

Фурье основывает в 1825 г. ядро собственной социальной

школы, но продолжает оставаться трагически одиноким в мелкобуржуазном окружении. Жизнь назойливо отказывается воспринимать планы переустройства (в 1832 г. Фурье пережил неудачный опыт с фаланстером). Он умер 10 октября 1837 года в возрасте 65 лет, отказываясь до самой смерти от ухода. Журнал «Фаланстер» к 1848 году имел 3.700 читателей. После европейской буржуазной революции 1848 года измеченный фурьеризм, потесненный марксистским коммунизмом, принял резко реакционное направление. Среди поклонников учения Фурье был «увлекшийся социализмом» будущий император Франции, в 1871 году позорно сдавший Париж прусским войскам Луи-Наполеон. Фурье любил сравнивать себя как провозвестника нового социального мира с Колумбом, который наперекор всем скептикам открыл Новый Свет — Америку. Но как Колумб до конца жизни думал, что открыл морской путь в Индию, так же и Фурье не понял значения своего открытия, не смог найти ни социальной силы, которая взялась бы за воплощение в жизнь его проектов, ни предвидеть грядущие революции. Революционную эстафету приняли российские фурьеристы — петрашевцы, революционные демократы Герцен и Чернышевский, в Европе — соединившие социализм с рабочим движением Маркс и Энгельс (Энгельс называл Шарля Фурье патриархом научного социализма). А Ленин и Сталин перешли к практическому осуществлению коммунизма.

2. БУРЖУАЗНОЕ ОБЩЕСТВО — ИЗВРАЩЕННЫЙ МИР

Большие социологические наблюдения, талант полемиста-сатирика делают Фурье одним из самых резких критиков буржуазного общества, мира «свободной торговли», «свободного обмена», который он однозначно определяет как режим кривды и угнетения. Товарное производство — раздробленное семейно-хозяйственное производство — является хаосом, усугубляемым раздробленностью систем законов, мер, денежных систем. Движущие силы общественного производства, отдельные личности, их различные страсти действуют друг против друга, разрушительно. Буржуазная цивилизация представляет собою мир навыворот.

Чрезмерный рост промышленности при цивилизации — очень большое несчастье, порождающее много бедственных последствий. Общество развивается превращаясь в толканию, его периодически потрясают кризисы перепроизводства — изобилие, вызывающее депрессию, но Сизиф цивилизации продолжает все той же дорогой стремиться к благосостоянию. Бедность при цивилизации рождается из самого изобилия, общество гибнет от своих же достижений. Все негативные проявления буржуазного производства (банкротство, спекуляция, ростовщичество) переносятся на массу трудящихся.

Торговля — лишь хорошо организованный и законченный разбой с низу доверху. Сверхмногочисленная корпорация торговцев — это банда пиратов, поработавших промышленность и земледелие, паутину изощренных классов. Объединяя грязных дельцов выработали механизмы наживы. Спекулянт — дезориентированный, жидкий, сорвавшийся с цепи против честного труда — использует «свободу торговли», чтобы изымать товары, прятать и сжигать их. Они сами создают искусственный дефицит, чтобы добиться подъема цен, вызывая тем остановку производства. Упразднить торговлю означает убрать сотню «пятых колес» в общественном производстве.

Механизм торговли поднимает общество классу непроизводительных, паразитирующих агентов, которые должны быть только подчиненным, семейным агентом для поручений. Биржевая игра создает потрясения производства, периодически приводит в расстройство хозяйственную жизнь. Тайная воля биржевой игры управляет решениями правительств. Дельцы, управляющие движением всей продукции, делят власть в министерствах. Из свободы торговли рождается монополия, торговый феодализм — господство монополий аристократии акционерных обществ, происходит рост замкнутых привилегированных корпораций, царство богатей-монополюстов. Дело идет к передаче всей торговли в руки объединенных в союзы привилегированных компаний. Устанавливается тирания горстки торговцев над всеми государями и государствами. При цивилизации из под личины «равенства» выдвигается франкамасонство — тайное общество высокопоставленных лиц из разных сфер, скрытое от глаз непосвященных.

Фурье показывает, как фальшь товарного производства распространяется на все общественные отношения. Нарастает болезненная противоположность города и деревни, свойственная буржуазному обществу. Политическая централизация ведет к образованию столиц-мегаполисов, поглощающих пропасть продуктов земледелия, к подавлению местного самоуправления. Постоянно воспроизводится расстройство финансовой системы: дефицит, инфляция. Фальсифицируются продукты питания, предметы потребления. Торговля разлагает медицину, юриспруденцию и т.д., простираются эти поточные занятия. Суды отказывают в правосудии бедняку. Военно-бюрократическое государство прикрывается широкой «представительной системой», ловкими манипуляциями с выборами. Разложившаяся наука восхваляет буржуазное общество вместо бесстрашного поиска истины, прикрывая красивой маской гнусную рожу политэкономии. Критики не шадят пап и королей, но не трогают купцов, ни слова не говорят о преступниках торговли. Торговля порождает общественное мнение.

Социальные ужасы корнем имеют порабощение женщины. Отцы-собственники хотят быть богатыми в глазах жен и детей. В результате в семье, этой основе социального строя, миксер социальных связей и максимумом имущественных, лицемерие в отношении поколений. Сутражскую измену общественное мнение считает милой шуткой сильного пола, но преступлением слабого. Женщин приковывают к домашнему хозяйству, лишая их возможности развивать способности, как негров в Америке, и говорят «они неспособны». Моральисты распространяются о низкой двойной природе женского пола, а безумным комплиментом женщинам заглаживают в них сознание рабства. Постепенное возрастание свободы женского пола — мера общественного прогресса. Современные дамы настолько же отличаются от наложниц из гарема, считающих себя автотами, судачками для развече-

нения мужчин, насколько совершенно свободные женщины строя гармонии будут отличаться от нынешних. Фурье обвиняет товарное производство в вырождении человека. Раздробленный и отталкивающий труд противопоставляет страсти человека одна другой и разрывает его целостную личность. Складывающееся при строе цивилизации разделение труда требует только частичного приложения человека, подавляет основные движения страсти однообразием, всеобщей враждой и равнодушием. Строй цивилизации извращает все основные страсти, движущие души человека — воодушевление, страсть к интриге, дух разнообразия; направляет к производству, плутням, биржевой игре, ростовщичеству. Аскетическое изувещание «моралистов» возводит наличную всеобщую посредственность в идеал, оправдываясь тем, что страсти, подчиненные эгоизму, превращаются в страшные разрушительные силы. Они стоворились с торговцами и чиновниками держать народ в тугоумии, верящим в свой злой рок: вынужают народу, что он создан для страданий.

Теперьшее «богатство», покупаемое ценой деградации человека — нищета для строя гармонии. Даже те, кто, казалось бы, должны быть счастливы — монархи и сибариты — покидают уныние посреди богатства, на вершине власти. Утонченность видимой роскоши пресыщает, не насыщая. При цивилизации трудятся только ради жизненных средств, любят праздность, т.к. производство при этом строе весьма отталкивающее. При социетарном порядке возникнет множество новых, неведомых удовольствий, перед которыми меркнут нынешние, неведомые ныне счастье в труде, а не в безделье. Ослепительные картины счастья при социетарном строе страшат мракобесов. Но такие будут перевоспитаны, и будут ревностно трудиться. Все излишества строя цивилизации, неистовое извержение подавляемых страстей происходит из недостатка возможности утолить порыв в привлекательном труде.

Цивилизация, по Фурье, это не отдельные злоупотребления, а порочный круг злоупотреблений во всех частях. Нельзя преодолеть бедствия общественного хозяйства — нищету, безработицу, торговые монополии и машинизм — не преобразовав на новых коллективных и планомерных началах все сельское хозяйство, промышленность и торговлю. Не продуктов не хватает строю цивилизации, а системы распределения, которая отбросила бы паразитов. Дух торговли — деспот строя цивилизации, финкс, паразитирующий того, кто не отдаст, как с ней бороться. Необходимо открыть законы социального движения, как Ньютон открыл законы механики.

3. ТЕОРИЯ ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

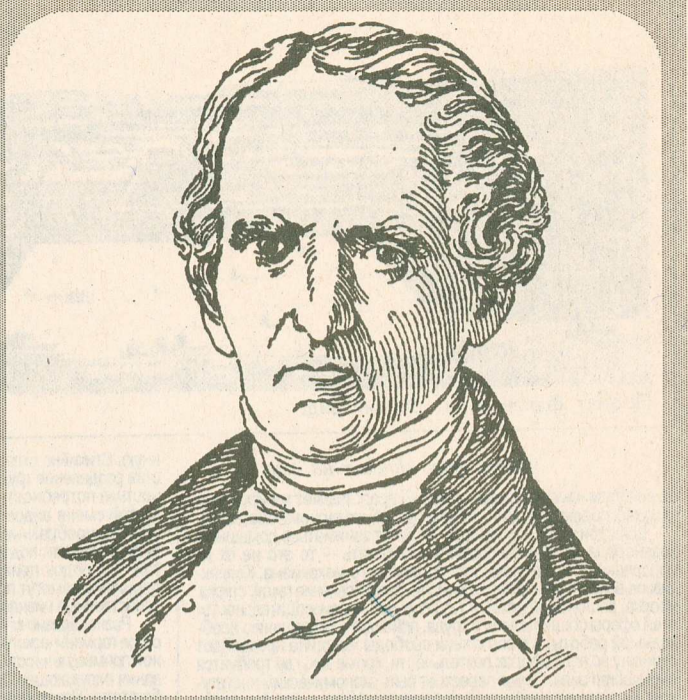
Фурье считал себя единственным ученым, которому удалось решить проблему общественного счастья. Позор, писал он, социальным наукам, которые не сумели понять и преодолеть пороки современного общества, 26 веков увековечивали нищету и коварство. Оправдывали страдания: человек-де предназначен для страданий и умеренного счастья, считали сложившимся после Великой французской революции строем последним пределом социальных судеб. Позор священникам, которые устрашают массу «невозвратностью рая» и «божьем гневом». Да, человечество пока движется от мук к мукам. Но это лишь разбег для прыжка в гармонию.

Энгельс отметил: ячею свое величие Фурье проявилось в его понимании истории общества, он так же мастерски владел диалектикой, как и его современник Гегель. Фурье расматривает четыре ступени развития общества: дичность (первобытнообщинный строй), патриархат (рабовладение), варварство (феодализм), цивилизация (буржуазное общество). В каждой формации он видит восходящее и сменяющее его нисходящее движение, циклические фазы развития: юность, расцвет, зрелость, дряхлость, загнивание-разложение.

Если общество слишком долго влечется в одном периоде или в одной фазе, то начинается гниение и разложение, как в застаивающейся воде. При развитии производительных сил они перестают находить себе применение в прежней фазе, в социальном механизме наблюдается перегрузка, брожение, его разлагание. Развиваются алловерные характерные особенности, симптомы усталости — следствия несоответствия средств производства и недостаточности формы их применения. Строй цивилизации проходит те же фазы развития, что и человечество в целом. Революционный, прогрессивный восход: детство, юность (общинные привилегии, освобождение людей труда, представительская система; тон — иллюзии в отношении свободы), апогей — великие географические, научные открытия. Но сейчас мы наблюдаем, отмечал Фурье, нисходящее движение: торгово-фискальный дух, анархию торговли (тон — экономическое иллюзии), дряхлость строя — ломбарды, корпорации, промышленный феодализм.

В нынешнем состоянии угнетен момент перехода из фазы расцвета к более высокому социальному порядку, и цивилизация перешла в фазу упадка. Вместо «нормальной» дряхлости, спокойного величественного заката, наблюдается тгостный застой, ставший бесплодным творческий дух томится в заточении. Мы видим прогресс в упадке, который можно сравнить с полетом рака. Симптомы быстрого движения цивилизации к дряхлости самые угрожающие. Кара перерезавшей цивилизации — испарение благодетельства и дерзновения времен юности. Строй цивилизации — царство неистовствующего ада, клоака всех преступлений: самодержавие торговли, порождающей нищету среди изобилия, торговля неграми, убийство их чрезмерным трудом. В области нравов буржуазное общество является сущим адом, причиняющим людям постоянно жить в страхе — этом стержне всего строя цивилизации.

А все потому, что слишком много промышленности для мало продвинувшегося вперед социального строя цивилизации, под действием своих социальных достижений цивилизация входит в состояние упадка. Выход из тупика цивилизации — открыть иной социальный механизм и перейти к нему, к правдивому хозяйству, солидарности, соревнованию вместо vorуждочного конкурентного, обманывающих индивидов. В социетарном будущем, благодаря открытым Фурье законам социальной

Чарльз Фурье

механики, общество будет избавлено от тягостной необходимости проходить периоды несвязности.

Предшествовавшим историческим развитием была выполнена задача развития промышленности, наук и искусств, создания крупного сельскохозяйственного и промышленного производства — всех необходимых предпосылок для установления гармонического общественного строя. И потому строй цивилизации должен исчезнуть, предоставить место иному общественному укладу. Стремительные успехи промышленности возможны лишь при условии одновременного продвижения вперед по социальной лестнице, соразмерности между социальной ступенью и развитием промышленности.

Существуют не только материальные предпосылки для социетарного общественного устройства. В прошлом существовали прообразы социального строя общества социетарной гармонии. Народ хранит смутные предания об Эдеме — механизме грубых, первично набросанных серий по страсти (правда, недолго длился тот период естественного изобилия плодов, дичи, рыбы, стад при малой плотности населения). Армия, монашество — лишь современные суррогаты ассоциирования. Мощные социальные силы инстинктивно стремятся к коллективному ведению хозяйства. Власть стремится подавить естественное стремление рабочих к образованию ассоциаций, но трудящиеся Англии восстают против труда-проклятия (да и такого лишены безработные), который питают лишь удовольствия горстки богатей, а на долю труженика оставляет только лишения, рабство, отчаяние. Вулкан Везувия 1789 года не умер, а лишь отдыхает, гроза и успех тех лет воодушевляет бедняков. Великие революции грозят уничтожить дух торгашества.

Уже у Фурье предшествовавшая история оказывается только предисторией, весьма коротким периодом, за которым следуют десятки тысяч лет счастливой жизни человечества в социетарном строе. Богатства части людей — лишь зарница счастья; только ничтожная часть людей избегает всеобщего несчастья, пока мы видели не более как тень справедливости. Нынешняя цивилизация, как и все последние 5-6 тысяч лет, самое несчастное состояние нашего земного шара — переходящий бич, лишь детская болезнь человечества. Корень бед, медленного, прерывистого движения истории — в бесвязности хозяйства, мелком разрозненном производстве, порождающем торговлю. Необходим переход к социальной согласованности. После этого год истории по своей насыщенности будет равен столетию прежнего существования. При социальной гармонии человечество достигнет апогея счастья.

4. ГРЯДУЩАЯ СОЦИЕТАРНАЯ ГАРМОНИЯ

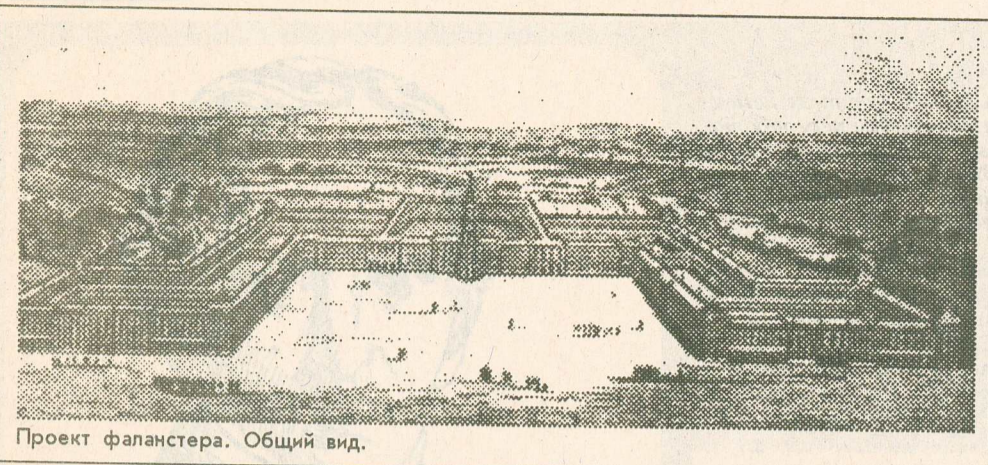
ВСЕОБЩИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ

Фурье предвидит: анархическое, раздробленное производство будет заменено гармоническим распределением общественного труда по всем отраслям в соответствии с потребностями. В труде должна удовлетворяться «композиция» — воодушевляющая страсть всеобщего согласия, сильнейшая человеческая «страсть» к общению с себе подобными. Основной ячейкой производства становится «серия по страсти» (говоря современным языком — бригада, трудовой коллектив, организуемые на основе занятия любимым делом, видом труда и взаимных симпатий). Такая группа складывается из людей, разных по возрасту, имуществу, характеру, знаниям. И чем больше разнообразие человеческих свойств, тем более сложные трудовые процессы может выполнять серия, тем прочнее социальная гармония.

Коллективное производство ради общих целей есть установление сверхжесткой справедливости. Корыстные интересы отдельных людей поглощаются в коллективных интересах серии, а частные устремления серий — в интересах других серий. Работа становится увлекательной под влиянием духа товарищества, а не по необходимости, принуждению или страсти наживы. Серия — союз различных групп в определенном порядке, объединенных вкусом к тому или иному виду деятельности, на дюжину которых распадается каждое дело. Сильное увлечение каждой группы избранным участком трудовой деятельности достигается благодаря приращению, свободному влечению членов ее друг к другу и к занятию. Автономия серии, способность самостоятельно решать задачи обеспечивается силой внутреннего сцепления за счет различия характеров, возраста, вкуса, образования. Серия питается контрастами, неравенствами, требует равно симпатий и антипатий, но упорядочивает их отношения.

Ассоциация строится по принципу притяжения людей друг к другу и отталкивания клюбимому делу. Доверие, дружба, взаимное очарование рождаются из работы каждого там, где больше нравится и где лучше получается. Чем больше различия людей (по полу, возрасту, характеру, вкусу) — тем крепче сцепление. Присутствие любезной и дружественной кампании порождает живой пыл к работе. Антипатичные характеры примиряются путем косвенного сотрудничества. Особое значение приобретает искусство разнообразия и подбирать компании. Главное — избегать однообразия, равновоздухи и посредственности. Равенстве страстей должно быть динамическое, развивающееся, рождающееся из постоянного столкновения противоположностей.

Принцип коллективизма, притяжения по страсти будет применен к возможно более многочисленным массам. Общественным станет не только производство, но и потребление, и проведение досуга, и ведение домашнего хозяйства. При цивилизации грудной ребенок — мука дома, неведомая в социетарном обществе с общественным воспитанием детей. Янчицы детей будут «общие матери», им помогут девочки 7-8 лет. Социетарное общество будет привлекать к тому, что в гармоническом производстве женщина займет невиданное прежде высокое общественное положение. Фурье первым отметил, что расширение прав женщины — главное основание всякого социального прогресса. Принудительный режим строя цивилизации, браки по расчету приводят к тому, что тайный и незаконный влест любви в семь раз более распространен, чем законный. Презрение к женщине при цивилизации наказывается скукой мужчин, педерастией, содомизмом. Вывести пол из состояния порабощения,

Проект фаланстера. Общий вид.

Окончание. Начало на стр. 3.

но не путем «эмансипации», который представляет копирование мужских пороков, а путем перехода к социетарному обществу. Если три четверти женщин не хотят заниматься домашним хозяйством, хотя и вынуждены это делать — то это не от их испорченности, а от логичности социального механизма. Коллективное ведение домашнего хозяйства (приготовление пищи, стирка, уборка, воспитание детей и т.п.) повисит «производительности» этой сферы общественного труда, приведет к сокращению необходимой работы. А в состоянии свободы женщина превзойдет мужчину во всех сферах деятельности, кроме тех, где требуется физическая сила. Семья перестает быть экономическим институтом, ее заменяет свободная от расчета любовь и чувство родительской заботы. Старика — бремя при цивилизации, их унимают. Но при прогрессивном домоводстве для стариков находится не менее полезные дела, чем для людей в расцвете сил. Старики живут так же радостно, как и в лучшие годы.

Культура и быт грядущего общества также будут преобразованы на социетарных принципах. Малопоходящее дело — прививать культуру народу при режиме отталкивающего труда; оная сейчас место ухаживания, место показной роскоши. Природосообразное воспитание, гармоничное развитие дадут очищение и изощрение вкуса подавляющего большинства населения. На место «профессионализма», оторванного от народа, придет массовое высокохудожественное творчество, с которым не сравнится никакая-нибудь столичная опера. При гармонии творить искусство будут дружеские объединения людей, говоря советским языком, «художественная самодеятельность». Декорации, выступления — все делают сами.

Постоянные творческие состязания способствуют расцвету искусства, который превзойдет все бледные зрелища цивилизации. Различения беднейшего кантона достигают далеко позади различения наших богатейших столиц. Дуэт, пиришества, соборная, радости любви приобретают совершенно новый характер, лишь изредка и ненадолго достижимый при цивилизации. В селье, неприхотливости, содержательности общения затмят суету утех строя цивилизации. Люди цивилизации — ничтожество в области искусства образования возбуждающих и разнообразных собраний. Наслаждения могущественнейшего из королей ниже того, какие найдут беднейшие при согласованности.

Главное достижение в обществе грядущей гармонии — это дух товарищества, солидарности личностей, коллективизм, счастье человеческого общения, совместного труда. Исчезнет грубость, в самых отталкивающих занятиях станет движущим дух товарищества, дружба, человеколюбие. Проявления социального согласия, чувство всеобщего братства, будут доходить до бурной восторженности, всенародного ликования. Наступит пора преодоления корпоративной ненависти строя цивилизации, вражды социальных групп, классов, взаимное презрение и ненависть. В социетарном строе человек, следуя только своему личному интересу, будет постоянно служить интересам массы. Обладая богатством личных связей, контактов, каждый член фаланги должен страстно любить остальных. Это, в свою очередь, обеспечивает коллективную добровольную дисциплину, делая излишними моралистами и полицию.

Фурье проявляет высокую диалектику, включая в механизм социетарной гармонии не только «притяжение» людей, но и их «отталкивание». Индивидуальный труд пуста, лишена интриги. Ленин после Октябрьской революции, когда искал социальные механизмы, способные заменить конкуренцию, в работе «Как организовать соревнование» использовал именно эту часть учения утопистов. Фурье видит в состязании, интригах, соперничестве в трудовом реини стративное увлеченных людей могучее средство поднятия к высокому совершенству всей отрасли и всего общественного производства. Социетарный порядок извлекает пользу из всех причудливых движений страстей, доводя их до наивысшего возбуждения, уравновешивая и вовлекая в дело труда. В том числе ставит на службу обществу страсть к соперничеству, именно благодаря ей производственный труд становится развлечением наподобие спортивных состязаний.

Соревнование имеет свой «мотор» — возбуждение духа соперничества, дух партийности, страсти к интриге. Роль интриги в общественном производстве так же велика, как и в драматической пьесе. Это постоянная потребность человека, при цивилизации за недостатком действительной борьбы он ищет искусственной — в игре, в театре, в романе. Придворный, осланный в провинцию, гонимый без интриги. Купец, отошедший от дел на покой — несчастнейший в мире. Ревность, дух партийности возбуждает крайнюю пылкость, совершенство работ. Серия, сильнее всего возбуждаемая интригами, пойдет на любые жертвы ради удовлетворения самолюбия. Оттесняя материальный интерес на второй план, соревнование даст высшую производительность труда.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ТРУД

На основании открытых закономерностей общественного развития Фурье рисует яркие эпические картины грядущего мира социальной гармонии. Социетарный строй, коллективное плановое хозяйство позволит снять с производительных сил и человека оковы цивилизации, раздробленного производства, откроет возможность для общественно-полезного применения всех человеческих качеств. Страсти (то есть осознанные интересы людей, побуждающие их к активной деятельности) стремятся к социальному единству. Вне разумного общественного порядка, при бесспорном анархическом производстве они — тигры, сорвавшиеся с цепи, разрушительны, производят разлад и бедность, поэтому их бесплодно подавляли, они жея продуктивности проявления. Даже простые человеческие страсти — к роскоши тела (здоровью), чувства, к богатству, к общению (любви, дружбе, семье, союзу) при строе цивилизации уродуются в принудительных неадекватных связях, налагаемых извне хаотическим общественным порядком. При цивилизации наиболее частые отношения людей в производстве — тайная ненависть-вражда хозяев и работников, несотрастившие характеров, крайняя холодность взаимоотношений, тирания вышестоящих. Люди вынуждены трудиться ради куса хлеба, а при несоответствии занятий характеру не может быть радости труда. При цивилизации угнетает даже привлекательный труд, ибо рабочий движим только нуждой.

В основе социального расщепления людей, перерастающего во взаимную враждебную противоположность классов, лежит принцип разделения труда, свойственный мелкому товарному производству. Человек пожизненно приковывается к частной работе, уродливо-однобоко развивая мастерство за счет подавления всех других способностей. Современные воспитатели, которые ограничивают развитие человека какой-либо одной способностью, подавляя остальные — как дети, которые схватили инструменты оркестра, но слышат лишь душевраздирающий визг. Обязанность работать, навязываемая извне, под страхом голодной смерти, превращает такой труд в проклятие. Фурье констатирует вред ослепительной односторонности; даже наслаждение, долговременное и затянутающееся, становится злоупотреблением, приглушает органы, ослабляет удовольствие. Любая добродетель в одиночестве застывает, не переходя в

иную. Стихийно складывающееся при разрозненном производстве разделение труда порабощает человека, уродует его. Сущностная потребность человека, «аппетитона» — в разнообразии, частой смене видов труда, ситуаций, обстановки, происшествий. Разнообразные комбинации удовольствий, быстрота их смены позволяют поддерживать динамическое равновесие страстей. 7-8 родов привлекательных работ за день, небольшими порциями помогут преодолеть отупление и утомление от труда, свойственные цивилизации.

Разнообразие страстей, их пылкость, сила, утонченность, при строе гармонического согласия, основанном на достижениях крупной промышленности, превращаются в могучие силы преобразования окружающего мира и самого человека, в источник лада и богатства. Возможность разумного применения страстей обеспечивает их в 3-4 раза более полное развитие. Общая цель, счастье — взлет всех страстей каждого, их гармоническое развитие. При строе гармонии самый простой человек удовлетворяет все свои желания и потому более счастлив, чем ныне любой король.

Фурье разрабатывает теорию труда при социетарном строе — привлекательного труда, труда-творчества, труда разнообразного, самореализации. Основная задача — взлет трудового притяжения, возбуждение воодушевления, энтузиазма труженика. Существуют совсем иные стимулы к труду, чем принятые в буржуазном обществе: хотя бы удовлетворение любознательности, слава высоких деяний. Важнейший двигатель — порыв страсти к исполнению любимого дела. Необходима, считает Фурье, полная свобода выбора характера работы, ее продолжительности. Совершенная независимость, свобода от подчинения начальнику, не выбранному по страстному желанию, свобода выбора участка в общей работе, краткость сеансов одного вида работы, частая смена деятельности отвечают естественному движению человеческого интереса.

Побочный, но очень важный эффект трудового разнообразия — преобразование профессиональных заболеваний (грыжи, лихорадки у работников физического труда, геморроя, апopleксии — у работников умственного). Цивилизация — недостаток санитарного равновесия, противоположному соотношению труда, отдыха и удовольствия. Оздоровление — в вечной разнообразности занятий, которые поочередно упражняют каждую способность тела и ума, поддерживают деятельность и равновесие всех.

Привлекательный труд по страсти — равностный и интенсивный — гарантия взлета всех страстей человека, данных воспитания и взаимоотношениями с другими людьми. Взлет страсти должен быть обеспечен при взаимном обеспечении всех. Между людьми, которые делают общее дело по собственному почину, возникает сильнейшее трудовое притяжение. Социетарный строй впервые делает роскошь, восторженность, очарование, воодушевление труда целью и средством общественного прогресса.

Фурье отыскивает в окружающей жизни тысячи «приманок» к труду, которые в совокупности, систематически применяются, должны сделать труд высшим счастьем. С помощью каких средств превратить в праздник самые отталкивающие работы? Во-первых, привлечение большого количества людей к их выполнению делает сеансы таких видов труда кратковременными (чтобы попусту не тратить порыв, его нужно расколоть экономно). Добровольность союзов и их соревнование, притяжение и союзничество — вот средства мобилизации людей на кажущиеся ныне самыми отвратительные работы. Во-вторых, механизация облегчит тяжелые физические работы.

В-третьих, будет использоваться коэволюционное притяжение — эстетическое украшение рабочего места и орудий труда. Сейчас мастерские грязные, противные, что вынуждает отстраняться к труду и трудящимся. Вместо этих клоак будут построены дворцы для работы, введены механизация, отличное питание. Фурье живописно представляет утренний парад дружин, которые отправляются на мутье боев, злево, пранчаны: их построение со знаменами, гимнами, фанфарами, пестрое одеяние, убранство, украшения — все это рычаги воодушевления в труде.

Выполняющие самые тяжелые работы чрезмерно отталкивающего характера (грязные, опасные, тяжелые) будут занимать высшее общественное положение, окружены почетом, привилегиями, приобретаемыми ценой тяжелых испытаний. У людей даже появится вкус к грязной работе, гордость, отсутствие стыда за нее. Фурье обещает честолюбивым самым ослепительным карьеры в обществе гармонии, почетную атрибутику, которой могут только завидовать нынешние монархи: скипетры, кортежи, убранства из драгоценных камней, изобилие титулов («дворянина», «архика» и т.п.), мировые троны для лучших художников, поэтов, слесарей и т.д. (все должностные лица — производительны).

Соблазн удовольствия будет использован для привлечения к земледельческому труду. Сейчас пахота и т.п. внушают ужас отравления, который будет побежден неистовым трудовым притяжением. Одушевление будет так высоко, что миллионер, атирбит будет вставать до рассвета, им не будет хватать времени, трудные дела составят их счастье. Лентяи и праздноболбы будут с жаром отдаваться полезным работам (уходу за птицей, скотом, домашнему хозяйству, фабричному производству и т.п.). Трудовое притяжение заставит удовольствия ради выполнять те земледельческие и промышленные работы, которые выполняют только по необходимости и с отвращением.

Все работы станут привлекательными, все склонности пойдут в дело благодаря доеле неизвестной их организации — серии по страсти. Современные пороки есть освобождение страсти в уродливой форме проявления. Так, гурманство (самая большая потребность человека с рождения до смерти, уже поэтому не может быть порочной сама по себе), ныне отделено от труда и потому порочно. Оно является привилегией праздных и сопровождается извращением вкусов. Наличие 3-4 тыс. чревоугодников Гарики смертельно оскорбляет 300-400 тыс. плебеев, не имеющих даже натурального сула. Но в социетарном будущем культура потребления (питания, одежды, обстановки), гастрономия («гастрофосфия») станут чтимыми науками, обеспечивая потребности всех. При социетарном строе пороки, странности превращаются в достойные восхищения движения души. Нет ни одной бесполезной, дурной страсти, и потому их будет нужно не подавлять и умерять, а возбуждать и использовать.

ПЯТОС ПЕРЕДЕЛКИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

Порядок согласованности, высочайшая производительность общего энтузиазма предоставляет людям средства и возможности для неведомых прежде крупномасштабных предприятий. Объединенное человечество будет распоряжаться трудом всего земного шара, создавать комбинации дел и людей, необходимые для их выполнения. Все, что неписано для людей строя цивилизации, по плечу людям социетарного порядка. Для выполнения глобальных задач будут созданы добровольческие трудовые армии.

Уничтожение превратившегося в оковы строя цивилизации, коллективного производства (на основе крупной машинной индустрии) и потребление (общественное питание, отопление, уборки и т.п.) приведет к громадному росту освобожденных производительных сил. Стремительное развитие силы и многообразия человеческих страстей, в свою очередь, обусловит еще один толчок росту производительности труда: высший подъем лич-

ных сил в человеке, который ныне мы видим в минуты опасности, станет нормой. Сотрудничающие творят чудеса, невероятные потом даже для себя.

Страницы произведений Фурье, где он описывает грядущий общественный строй, пронизаны пафосом всемогущества освобожденного общественного труда, для которого нет нерешаемых задач. Переход к согласованному производству произведет переворот в жизни всего человечества. Произойдет смещение национальностей, будет установлено единство языка и системы мер на земном шаре, единое правление. Он будет заселен равномерно, разгрузятся густозаселенные районы, обеспечится дальнейший гармоничный рост народонаселения. На смену городам-муравейникам придет гармоничная архитектура фаланстеров — она поможет преодолеть раздробленность семейных хозяйств, личных прихотей. Будет преодолена противоположность города и деревни, члены фаланг (объединений серий по страсти) будут обитать в фаланстерах — дворцах-жилищах. Фурье подробно описывает архитектуру фаланстеров, сады, телеграф, оперу, мастерские, соединенные помещениями отапливаемыми и проветриваемыми галереями-переходами. Пожалуй, наиболее полно представит себе, что такое фаланстер, можно по комплексу Московского государственного университета на Ленинских горах.

Будет переделываться природа. Над полюсами планеты возгорятся «северный и южный венцы», которые растут полярные льды, и на планете восдуют повсеместный теплый, мягкий климат. Свечение венцов будет иметь побочное полезное воздействие — опреснение и дезинфекция морей, вода в них приобретет вкус лимонада, а утренняя и вечерняя роса приобретет приятный аромат. Трудовые армии преобразуют лик планеты мелководий, нанесением почвы, вся площадь Земли будет возделываться. Вода от растопленных льдов, потечет по прокопаным промышленными армиями каналам вглубь континентов, обводняя пустыни, в том числе знаменитую Сахару.

Будут применяться новые прогрессивные методы возделывания кофе, винограда, цитрусовых, выведены новые сорта растений — плодов, злаков, ягод. Вредные и опасные породы животных уничтожаются, зато будут выведены новые, полезные для человека — например, «антилев и антики», которые пригодятся для перевозки людей. Человечество не будет вечно оставаться на Земле, самые крупные астероиды Веста, Юнона, Церера, Паллада и Меркурий будут отбуксированы на орбиту вокруг Земли, составят пояс спутников, населенных людьми. На всех обитаемых планетах будут внедрены свободные последовательные социальные механизмы.

Но главное — человек будет переделывать не только природу, но и самого себя. Перевоспитание по историческим масштабам не займет много времени, человек быстро отвыкает от порядков цивилизации при безощионом действующем социетарном механизме. Люди будут работать из удовольствия с трехлетнего возраста до дрхлотиости. Труд для них будет источником силы, долголетия, здоровья, ловкости, увлеченности, свободного общения. Человечество не просто избавится от профессиональных заболеваний. Изменение режима жизнедеятельности (вызванный насыщением трудом необыкновенный аппетит, потребление многообразных блюд в большом количестве, короткий глубокий сон, утонченная гигиена) изменит сам облик человека. Произойдет увеличение роста людей до 2 метров 10 см., увеличатся силы и долголетия до 140-170 лет, развитие интеллектуальных способностей теперешних «живых автоматов».

Обретение телесной крепости гармонично дополнит утонченность и силой чувств. Разнообразный труд даст возможность развития полной гаммы чувств (слуха — музыки, зрения — живописи и т.п.). Будет преодолена предел цивилизации, когда внешним и внутренним богатством пользуются немногие единицы за счет других. Все чувства, привязанности, движения страсти, тысячи оттенков прихотей человека будут развиваться. Социетарный строй будет производить и удовлетворять новые потребности. По утонченности гармонично будет наслаждаться над свялостелью саибатов.

Эти разделы теории Фурье наиболее фантастичны, но он совершенно верно предсказал грядущую мощь освобожденного общественного труда, что во многом подтвердил опыт социализма в СССР. Многие было повторено и развито в советской научной фантастике 1950-70-х годов, многое воплощено в жизнь. Жизнерадостность, исторический оптимизм Фурье резко оттеняются нынешними антиутопическими фантазиями, которые увековечивают империализм, переносят его порядки на всю Вселенную.

ГАРМОНИЧНОЕ, ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

При цивилизации дети — жертвы нездоровых условий, гибнут от болезней. Для массы детей низших сословий удел — ужасный многочасовой труд под плетью надсмотрщика за жалкие гроши, эпидемии голода, смерть от частого недоедания. Зато воспитание отпрысков «образованных сословий» дома или в специальных учебных заведениях приводит к отчуждению их от общественного процесса, превращает их в дебиллов, у которых нет ни страстей, ни знаний, ни способности (впрочем, как и у каторжников-учителей). Провзлетают немногие покорные зубрилки, атрофируется способность к самообразованию. Дети, устранные розгами, захнут за учебой, как их отцы — в конторах. В хорошую погоду хочется работать на улице! Учение по притяжению зимой за 100 дней даст больше, чем за 300 дней в пансионе. Строй цивилизации превращает рожденных быть великими людьми в чернорабочих. Лишь счастливые случайности спасают от этого поглощения.

В два-три года у каждого ребенка просыпается страшное трудолюбие. Цивилизация пытается притупить к знаниям ребенка, рвущегося к практике, и пожимает скуку, естественное отвращение. Гармоническое общество предоставит каждому с раннего возраста возможность производственного труда по собственному побуждению, еще до занятий науками. Воспитание будет осуществляться не чтением моралией, а трудовыми подвигами. Будут специальные маленькие мастерские, маленькие инструменты, маленькие тележки для выполнения земледельческих работ. С трех лет дети успешно работают, и в труде проявляется их темперамент и склонности: сосуки и карапузы, тихие, пинкны, строптивые, злюки, несносные, чертенята. В самом раннем возрасте раскрывается призвание, ребенок учится выбирать рабочее место по душе, предотвращать частой сменой работ утомление однообразием.

Опытные воспитатели будут производить сев трудового притяжения среди детей, используя сильные работы, например, сортировку зеленого горошка. Маленькие орды, банды, легкими сорванцов с неустрашимостью выполняют самую отталкивающую работу — раз уж дети так любят валяться в грязи. Особо отличившиеся будут отмечены помпоном на шапочку, суланом. В число трудовых приманок войдут специальные игрушки для производственного ученичества. Воспитатель подмечает и фиксирует выявляющиеся у ребенка призвания. Дети сами выбирают себе старших вожаков. Иерархия полезных дел, воспитание по восходящему увлечению, соперничеству групп детей в превосходстве и активности в полезных работах и общественном согласии дают возможность способным детям захватывать других стремлением сравняться, а не завистью.

Ребенок, кажущийся пропитанным пороками, лакомка, задир, упрямец, дерзкий, любопытный, неукротимый — самый совершенный из всех, будет самым пылким при строе согласованности, будет выполнять самые тяжелые дела. Если сейчас он

невносим — это не неисправимый порок, а дурное проявление естественной склонности к ломке правил. Дурен не ребенок, а строй цивилизации, не согласный ни развивать, ни использовать характеры, подавляющий детские вкусы (лакомство и строптивость мальчишек, вкус к украшениям и нарядам у девочек). Цивилизация порождает безмерность желаний и ничтожность средств их удовлетворения.

Дети — лакомки, обжоры, жадоги. При цивилизации это несносные пороки, а при гармоничности эти зародыши страстнейшего гурманства будут пущены в дело. Ныне, родись сын царя гениальным сапожником, его талант был бы погублен в зачатке. Без сомнения, портыя, не развивая, музыкальный слух у 999 из 1000. Всеобщая разрозненность строя цивилизации подавляет и извращает способности ребенка, отдаляют его от труда, делая труд ненавистным, извращают склонности. Страсть ребенка к игрушкам, сладостям тянет в одну сторону, отвращение к труду — в другую. Вместо этого сейчас школа, родители, сверстники, улица — все вместе производят разрывающее на части воспитание, результат которого — оскудение человека. Школа дает догмы, которые тутже ослепываются за ее пределами!

Серии по страсти — важнейшее средство воспитания. Необходимо выявить не одно, а все призвания у ребенка, штук двадцать в возрасте трех лет. С четырех лет он весьма умело в двух десятках серий будет смело развивать их, давать взлет своим физическим и умственным способностям, производя больше,

Новое здание Московского государственного университета на Ленинских горах. СССР, Москва, начало 1950-х гг.

чем потребляет. Вместо этого в двадцать лет не выявляют ни одной страсти. Его насильно заставляют заниматься нелюбимым делом, и он прозябает в несчастье. Отсюда ничтожное количество успевающих в университетах, а у деревенских детей — отвращение к земледельческому труду. Выявление призваний у них совершенно не развито. Единственный путь — работа по свободному выбору в той или иной серии по страсти от колыбели для дрехлого возраста.

Был цивилизации воспитывает упорного лентяя. В фаланге ребенок будет стремительно подниматься на высоту научного и художественного вкуса, физической и интеллектуальной утонченности, упражняя все чувства (слух, зрение), обучаясь равно владеть обеими руками. Нужно улавливать и активно использовать тягу детей к разведке, шумливости, обезьяничанию, увлечению более сильным, стремление брать все в руки. К четырем годам социетарный ребенок будет по физическому развитию равен шестилетнему, а по умственному — десятилетнему ребенку цивилизации. У детей будет воспитываться дух товарищества, вовлекающего их в производственные работы, полное развитие физических и умственных задатков, применение их к производительному труду. Социетарный строй дает неограниченные возможности выявления и развития всех естественных призваний каждой личности, что бесконечно обогащает общество.

Среди восьмистот людей, собранных случайно, можно найти зародыши всех совершенств, достижимых человеческим духом. Каждый человек от природы одарен способностью, необходимой, чтобы стать равным Гомуру, Цезарю, Ньютону. Среди населения — десятки тысяч Гомеров, Демосфенов, и они все бы реализовались, если бы дети получали сообразное с природой воспитание, развивали все зародыши, данные природой. Приток знаменитостей всякого рода. Из трех миллиардов людей можно воспитать 37 миллионов Гомеров, 37 миллионов Ньютонлов, 37 миллионов Мольтеров и т.д.! Природа щедрна на таланты. Но в отношении раскрытия и развития талантов мы — дикири, невежественные в разработке рудных залежей. Нет индикатора таланта, его зачатки расщепляются, заглушаются воспитанием строя цивилизации, этого избегает лишь один из миллиона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Направленное в будущее фантазия, мечта о грядущем коммунизме, корректируемая научным знанием — основа практической деятельности коммунистов. Научный коммунизм вдохновил многих писателей на создание научно-фантастических романов о грядущем и о людях коммунистического будущего. Мы смело смотрим в будущее, насмехаясь над попытками шарлатанов-футурологов и провидцев «звездных войн» в своих антиутопиях увековечить буржуазную пошлость. Наша мечта предотвращает так же и от погружения в мелкобуржуазное болото «малых дел», от неогорбачевского «прагматизма», от «козлов-провокаторов», которым хотелось бы увести движение в сторону, подменив революционную утопию — утопией реакционной, «национально-государственной».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарль Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб», Огиз-Соцэкгиз, М., 1938.
2. Шарль Фурье «Новый промышленный и хозяйственный мир», Огиз-Соцэкгиз, М., 1939.
3. Ш.Фурье Избранные сочинения в 4-х тт., М., 1951-54.
4. Ф.Энгельс «Анти-Дюринг», отдел второй, главы 1-2.
5. Ф.Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке».
6. В.И.Ленин «О кооперации».
7. В.И.Ленин «Как организовать соревнование!».

Павел БЫЛЕВСКИЙ, секретарь ЦК РКСМ по идеологии.

Все, о чем здесь рассказано, было в действительности. Изменены лишь некоторые имена и несущественные детали.

На трамвай, которого Верка ждала больше часа, села так и не удалось. Она лишь испуганно захлопала глазами, когда толпа, словно разжавшаяся пружина, метнулась к дверям вагона. Отталкивая друг друга, люди лезли вперед, в окна, даже на крышу, и, наконец израсходовав запас сил и проклятий, срывались в снег...

Высокий мрачный господин, горделиво вскинув голову и не трогаясь с места, сначала властно, а затем уже безнадежно-меланхолически бубнил: «Раступитесь, хамы! Идет сын солнца!». «Хамам» было не до него.

Когда трамвай, словно живое существо наблюдавший отчаянную возню обливавших его людей, злобно рассмеялся противно-ржавым звуком звонка и неторопливо тронулся с места, Верка не выдержала и заглакала. Изодранные остатки одежды, в которой еще можно было угадать что-то безнадежно отжившую роскошь, делали ее, сжавшуюся от холода в маленький, дрожащий комочек, похожей на полбитую птицу, невзвест каким образом попавшую в край лютых зим и очутившуюся вдруг среди злобно каркающей стаи отошавшего воронья.

Когда трамвай утонул где-то в сплюснотой пелене кружащихся снежинок, пожилая женщина, стоявшая рядом и за все время не проронившая ни слова, тронула Верку за плечо: «Дом-то далеко?». Верка не успела ответить, как мрачный господин, резко обернувшись к женщине, неестественно захохотал и, перемежая слова с надрывным кашлем, стал выкрикивать что-то злое и для Верки совсем непонятное: «Дом?! О каком доме может идти речь?! Домов больше нет! Нет семьи, нет человека! Ничего нет! Нет и не будет ничего, кроме хамов!».

Верке вдруг показалось, что сейчас он откроет свой рот еще шире и проглотит ее. Испуганно прижавшись к женщине, она чуть слышно прошептала: «Не домой я. В школу. Очередь моя сегодня».

— Очередь?

— Да. Мы с Олей по очереди в школу ходим. У нас валенки одни...

— Оля — это сестра?

— Нет, — все еще косясь на мрачного господина, но уже спокойнее продолжала Верка, — Это подруга моя. Да мы с ней как сестры. Они меня к себе взяли, еще когда папа их дома был. Только он был священник, и его арестовали. Он... Вы не подумайте, что он плохой был! Нет! Очень хороший! Добрый-предобрый!

Верке все время было так тоскливо и холодно, и она инстинктивно, как черепаха в панцирь, стремилась уйти в состояние болезненного полусна, спасающего ее от осмысленного восприятия безрадостного своего существования. Но теперь после долгого молчания ей неудержимо захотелось говорить с этой женщиной, показавшей почему-то такой доброй и понимающей все ее, Веркины, несчастья.

— А мой папа на фронте, — уже совсем успокоившись и даже с какой-то приподнятостью в голосе продолжала она, — Горев его фамилия. Может, слышали? Он белая кровь! И как победим мы их, так он сразу же вернется. И уж тогда мы заживем. Эх, заживем! Папка у меня знаете какой!

— Ну, а пишет папа?

— Очень редко. Вообще, почти не пишет. Ему же ведь некогда. Ему и раньше, при царе, когда его все скватить хотели, некогда было. Оставит меня у кого-нибудь, а сам не приходить долго-долго. А часто мы с ним по разным городам ездили. Его в одном городе полиция сторожит, а мы с ним уже давно в другом. Где только ни побывали.

— Ну, а где же вы с Олей живете?

— Да у нее же. У Оли. У них раньше целая квартира была, а теперь четыре комнаты Малин занял. Может, знаете? Который в своем магазине торгует. Он настоящий буржуй, только временный. Мне еще папа говорил, что такие пока нужны... Ой, у этого Малина столько еды всякой...

Верка вдруг испуганно посмотрела на женщину и, окончательно проникнувшись доверием к ней, продолжила:

— Знаете, нам некоторые говорят, чтобы мы у него потихоньку продукты брали. Мол, не грех это совсем. Только мы не можем так. Противно. Правда? Эх! И голодать тоже противно. Нам ведь с Олей вообще ничего не дают из-за батюшки. Мы же... эти... деклассированные. Это Малин так говорит. Он злой очень. Раз Олю чуть не убил.

— Так что же вы все-таки едите? — нахмурилась женщина.

— Да, когда что. Кашу из липы варим. Вообще вкусная. Только без сахара очень горькая. Вещи из своей комнаты все продала, а больше Малин не дает, хотя вещи-то не его, а батюшкины. Он говорит, что вообще нас из квартиры выгонит. Говорит, что закон такой есть — всех деклассированных выгонять. Может, слышали?

— Постой, постой! Да Вы жаловались куда-нибудь на этого Малина? Ведь отец-то твой в Красной Армии.

Верка только безнадежно махнула рукой: «Жаловались... Только никто и разговаривать не хочет. Про папу говорят — доказательств нету, а про Олиного как узнают, так и вообще!»

— Очень странно. Тут надо разобраться, — покачала головой женщина.

Верка всем своим существом чувствовала, что женщина эта очень добра и ей хочет помочь, но внутренне совершенно не верила в то, что кто-то из обычных людей может сделать это. Разве что какой-нибудь очень уж большой начальник, образ которого долгими зимними ночами был создан ею в мельчайших подробностях. Но эта добрая женщина совсем не была похожа на такого начальника.

И все-таки, выждав немного, Верка нерешительно спросила: «Теть, а Вы кто?»

— Я? — улыбнулась женщина, — Да просто тетя, которая хочет помочь тебе и Оле. А вдруг да получится?»

— А-а! — вздохнула Верка, и чуть погодя тихо добавила, — Спасибо...

— А я говорю Вам, — словно продолжая прерванный разговор, обратился к женщине мрачный господин, — а я говорю Вам — ничего вы тут не делаете. Ничего-то! Когда не стало хозяев или, как это теперь говорят, хозяевами стали все, не стало людей, способных брать на себя ответственность. Ну, кто Вам поверит на слово? Без указания свыше! Ха-ха-ха-ха! Вздор! Без бумаги, без селен и селен бумага эти хамы беспомощны. Зато, когда придет инструкция, указание свыше и можно, стало быть, не бояться ответственности, их тутая энергия, или, как теперь говорят эн-ту-зи-азм, бьет через край. Да! Да! Вы будучи призваны к гуманности, эти болваны выпускали из торем всех уголовников. Сплошь! А сегодня их упрекнули за это и они прячут туда всех без разбора. Без суда и следствия. Чем больше,

тем лучше! Такова уж эта советская власть.

— Да, да, — очень тихо сказала женщина. Она провела ладонью по правой, видимо вконец замерзшей, щеке и так же тихо добавила: — Вот, Верочка, этим летом, как раз недалеко отсюда, наблюдала я такую сцену. Лежит посреди лужи совершенно пьяный человек и что есть силы ругает Советскую власть. Чего, мол, она смотрит — лужи крутом, света нет, коряги крутом разбросаны. И никто не убирает! Ему самому, как ты понима-

стала бы она так до полудня и дальше, если бы не резкий звонок, раздавшийся ранним утром.

Первым к двери, как всегда, подскочил Малин. — О-о, и кто же это к нам в такую рань? — на одной длинной зевоте недовольно проскрипел его простуженный голосок. И тотчас последовал резкий ответ: «Открывайте! Че-ка!».

— А-а? Какось изволили? Чека? — голос Малина перешел на шепот.

Высунувшись из двери своей комнаты, девочки

Светлой памяти мамы моей — Любови Борисовны Гунько

ЛЕНИН

ещь, некогда — он в луже лежит. Но советская-то власть куда смотрит? Вот так вот. Но ведь ты, простите, был все-таки пьяный...

Мрачный господин оторопело посмотрел на говорившую, раскрыв было рот, но вместо ответа разразился приступом кашля.

— А мы с тобой, девочка моя, все-таки попробуем найти выход — продолжала женщина,

— Но сейчас тебе надо срочно домой. Ты вся дрожишь от холода. Пойдем-ка скорей. Я тебя провожу. Это очень хорошо, что вы с Олей школу не бросаете. Но так тоже нельзя! Можешь заболеть не на шутку. Ну, пошла. И не горюй. Что-нибудь придумаем!

В эту ночь было как-то особенно холодно. Оля надела на себя все, что было возможно, но заснуть так и не смогла. А вот Верка, напротив, спала крепко и спокойно. Да еще с таким прекрасным сном. Про еду! Да еще такую вкусную! Приснилось ей толь-то-то, что случилось однажды, когда они с отцом попали вдруг в самый настоящий ресторан. Дело было еще до революции. Они, будучи на нелегальном положении приехали в Киев. Ну, холит туда-сюда, а кругом беда — на одном окне нет нужного цветочка, на другом нет. Нигде нет! А это значит, что все явки провалены, и дело, что хочешь. Отцу надо было во чтобы то ни стало выполнить важное задание, от которого, как он говорил, зависела жизнь нескольких очень хороших людей. Как назло, кончились у них тогда все деньги, целых три дня они голодали и придумать ничего не могли. А на четвертый день отец говорит: «Баста! Хватит дурью мучиться — сейчас пойдем обедать». «А денюшко, пап!» — удивилась Верка. Но тут отец наддул щеки, что на их тайном языке давно означало: «Помалкивай!».

И вот приходит они в какой-то парк, где, по всему видно, гуляют только какие-то очень важные господа, и отец в один момент знакомится с какой-то очень хохлатой тетей в страшно, ну, просто в страшно дорогой шубе. Познакомились и раз-два — в ресторан. А дальше как в сказке. Отец заказывает одно; другое, третье. Официант носит, и всего так много, и все такое вкусное, что уж не только что Верка, но и барынька их познательная начинает просто задыхаться от восторга. А денег-то нет! Верка снова хочет напомнить отцу про это, но тот опять надувает щеки и Верка понимает — надо молчать. А потом вдруг отец как стукнет себя по лбу: «Господи! Чуть не забыл! Мне же тут рядом приятелю срочно надо письмо передать. Присидите. Я мигну!».

Ушел он и минут через двадцать вернулся. И опять пир горой пошел. Верка ест и от ароматов у нее голова кружится... Но вот уж и пора уходить. И тут вдруг бордатый гардеробщик протягивает ей даме вместо ее шикарной шубы какую-то замызганную кулаверку. Дама, конечно, давай скандалить. А гардеробщик и отец стыдят ее. Мол, как же так? В этом, мол, Вы и пришли. Ну, выпили немного, забыли, перепутали. Это бывает. Но зачем же скандалить-то?

Потом наняли извозчика, доставили барыньку до ее дома, и ушла она, так ничего и не поняв. Верка тоже ничего не поняла бы, если бы отец не объяснил через несколько дней, что это он, когда «бегал к приятелю», шубу дорогую продал, а кулаверку купил. На разницу они пообедали, швейцаря вознаградили, и еще целая куча денег осталась. «Видю, вижу доченька, что жалко тебе нашу барыньку, — сказал тогда отец, — да и мне, признаться, жалко. Но только другого выхода у нас не было. И дело, которое мы обязаны были сделать, важнее ее слез. В тысячу раз важнее. И мы его сделали. Для настоящего революционера, Верочка, не должно быть безвыходных ситуаций! Ну, а что касается шубы, то при первой же возможности мы ей деньги вернем. Хотя, надо тебе сказать, что таких шуб и всего прочего у нее вагон и маленькая тележка. И все это награблено у трудового народа. Так что мы просто провели обыкновенную экспроприацию экспроприаторов. Запомни, доченька, революция это штука очень суровая, но только она может дать человеческую жизнь миллионам людей. Запомни это!».

А потом Верке стали сниться всякие другие приключения с ее отцом, и все были такие интересные и со счастливым концом. И, наверное, про-

видели как Малин принялся открывать, потом вдруг зачем-то побежал к себе, но тут же вернулся и вновь запереть запорами. Руки плохо слушались его.

— Гражданин! — раздалось с той стороны, — да что Вы там, словно в колокола звоните? Открывайте же!

Наконец дверь открылась и в комнату вошли двое красноармейцев. Один из них, порывшись в кармане, достал четверть сложенный листок.

— Значит так. Горева Вера Борисовна и... Панфилова Ольга Николаевна... Есть такие?

— Как же! Как же! Они самые! Есть! — захихикал Малин, — Здесь, здесь голубушки!

— Не вижу. Да где же они?

— А вотась там! Извольте убедиться!

— Подглядывают! Красноармеец махнул девочкам рукой: «А ну-ка, девочки, быстро одевайтесь — собираться. По-едем с нами!».

— Подглядывают! — продолжал хихикать Малин. Чувствовалось, что к нему не просто возвращается его обычное бодрое расположение духа, но все его существо начинает охватывать какое-то особое, нервно-торжественное настроение.

— Подглядывают! Как говорится — чет кош-ка че сало съела. Хи-хи-хи! А вы это, между прочим, ну в самую точку — насчет колоколов! Прямо в точку! Как же! Священниковские дети! Деклассированные элементы! Можно сказать последыши старого режима! Яблочко то, как говорится, от яблонки недалеко... хи-хи-хи... И чего же их? Так сказать... то? А?

— Не Ваше дело, гражданин хороший, — прервал Малина один из красноармейцев. — Там разбираются.

— Вот это верно! Вот это верно! — восторженно завершал Малин, не находя от избытка чувств места своим рукам, — Там, вот именно, разберутся! Наше дело сигнализировать, а уж там разберутся! И правда! А то вот эта, которая Панфилова... и слова, значит, ей не скажи! Вот, гляньте — за палец укусила норовила! Нет, значит, чтобы хоть смущение какое-то за своего отца — служителя культа чувствовать, она, представьте, прямо — таки даже гордость проявляет! Отец-то уж пребывает в местах не столь отдаленных, поскольку я сигнализировал, а эта сука чуть что так и норовит за палец укусить! Вот именно, что религия — опium для народа!

— Папаша! Может хватит, а? Чего это ты нас агитируешь? А ну-ка, девочки, живо! Ждать особенно некогда.

— А куда ехать-то? — спросила Оля, которая всегда была куда бойчей Верки.

— Ах ты дрянь ты такая, — визгом взвился вдруг не выдержавший Малин, — все ей, значит, и расскажи! Да, на кульдину тору. Да, туда, куда Макар телят не гонял...

Пронизанные торжествующим взглядом Малина девочки прошли по коридору и вышли на улицу, где их ждал автомобиль.

— Ох, Верка, это все Малин! — шептала Оля, сжимая локоть подруги. Сколько уж он заявлений написал про отца моего, а теперь вот и за нас взялся. Но тебя-то за что?

Верка молчала. Внутри у нее словно что-то оборвалось и все окружающее, настоящее и будущее сделалось вдруг совершенно безразличным. Оля то хватала ее за руки и что-то шептала на ухо, то вдруг громко обращалась к красноармейцам, то всхликивала, но ее голос и даже сам факт ее присутствия почти не доходили до сознания Верки.

Так продолжалось довольно долго. Автомобиль сначала кружил по улицам, обгоняя редких еще поутру прохожих и извозчиков, потом вдруг остановился. Девочкам велели выйти и повели в какой-то дом, по какому-то коридору... Верка так и была в полудурячестве пока до ее сознания не донесся звук удивительно знакомого голоса: «А! Верочка! Олечка! Доброе утро!».

Верка вздрогнула и увидела, что они с Олей сидят на стульях против большого стола с какими-то книгами, бумагами, телефонами.

— Да, здрав-ствуй-те же, Ве-ра!! Товарищ Орлов, уж не перепутали ли Вы их чем-нибудь?

— Да вроде нет... — смущился красноармеец. И тут только Верка поняла, что перед ней та

самая женщина, с которой несколько часов простояла она вчера в ожидании трамвая.

— Здра...Здравствуйте! — Верка начала приходить в себя, порозовела и вдруг, не таясь, порывисто обняла подругу и жарко зашептала ей на ухо: «Олечка! Да это же... Ну, я тебе рассказывала! Помнишь? Ничего нам не будет! Ничегошеньки!».

— Послушайте девочки, — улыбнулась женщина, — послушайте меня. Я еще вчера обо всем рассказала товарищу Ленину. Владимир Ильич попросил сегодня же утром привести вас к нему. Вашего отца, Верочка, он хорошо знает и помнит. Очень хотел с вами обоими лично переговорить, но вот с утра обрушился, к сожалению, целый поток непредвиденных дел. Сейчас он обсуждает с товарищами очень важный вопрос, а потом ему срочно надо ехать на один завод. Он уже сильно опаздывает. Так что просто не знаю...

В это время где-то сбоку открылась дверь, которой Верка раньше совсем не заметила, и в комнату стали входить люди.

— А-а! — вдруг услышала Верка приветливый и чуть насмешливый голос. Очень энергичный человек с явно уставшим, но в то же время неулывающе веселым лицом, обгоняя других, быстро подошел к столу. Он нацелился на девочек острым взглядом, улыбнулся и на душе у них сразу стало необыкновенно легко и радостно.

— Так-так-так! Здравствуйте! — он вдруг весело подмигнул им обоим, потом, чуть склонив голову, посмотрел на Верку и воскликнул: — Пожож! Очень пожожа! Невозможно не узнать. Вера Борисовна Горева, не так ли? Ну, а Вы, — он перевел взгляд на Олю, — Вы, стало быть, Ольга Николаевна Панфилова. Будем знакомы! Меня зовут Владимир Ильич. Очень хотел с вами подробнеем образом побеседовать, но, представляете себе, вот этот товарищ нас опередил и буквально насильно убоит меня. И, поверьте, ничего нельзя сделать, ибо причина у него аркиважная! Да! Кстати, вот, товарищи, эти самые... деклассированные элементы! Какого? Нет, так у нас дело не пойдет. Так нам просто придется стореть от стыда. В лучшем случае. Надо немедленно сделать необходимые выводы.

До Верки все-таки с трудом доходило, что перед ней тот самый Ленин, о котором она столько слышала. Но ведь и в самом деле он! Ведь точно такой, как рассказывал о нем отец. Только вот на большого-пребольшого начальника никак, ну, хоть ты убей, не похож! Верке даже стыдно стало за то, что в голову лезут такие мысли.

Ленин между тем что-то быстро написал на листе бумаги и протянул его Верке. — Ну, что ж, девочки, не богата пока советская власть, но мы по-можем вам. Возьмите эту записку. Товарищ Фотиева, прошу Вас объяснить девочкам подробно, как им нужно действовать. Лично проследите, чтобы для их нормальной жизни было сделано все возможное. И, пожалуйста, сегодня же вечером расскажите мне, как все устроилось. Я здесь персонально прошу оказать всяческое содействие также товарища Малькова.

Ленин на какое-то мгновение задумался, пошу-ровет, но тут же снова улыбнулся девочкам:

— Хочу вам обоим сказать — вы молодцы, что, несмотря на все трудности, все-таки пришли. Это просто замечательно. Так держать! И всегда помните — лучше десять раз устать носом, чем один раз духом. Насчет отца Вашего, Оля, я уже попросил навести справки и очень может быть, что вы скоро увидите. Но в любом случае вы больше никогда и никогда не должны бояться! В любом случае у нас никогда не будет никаких деклассированных среди детей. Более того. Я полагаю, что у нас при любых обстоятельствах все-таки должен быть один привилегированный класс. Этим классом у нас должны быть и непременно будут дети...

— А вот папочку Вашего, — вдруг изменив направление беседы, сказал Ленин, — придется про-брать самым серьезнейшим образом. Нет! Вы только подумайте, какая занятость! Или, может быть, скромность? А, может быть, увы, просто черствость? Ведь он даже, как я выяснил, никому не сказал, что у него здесь дочь и голодает. И никому дела нет! Как это надо понимать? Для чего же, спрашивается, и для кого он воюет? Зачем мы делаем нашу революцию? Идея ради идеи? Абстрактная любовь к абстрактному множеству угнетенных и при этом полное безразличие к реальным страданиям конкретных людей? Тут есть над чем задуматься. Почему, откуда у нас вдруг появилось такое? Ведь дело тут вовсе не в плохой организованности. Борис Павлович Горев прекрасный организатор, настоящий профессионал. Помню его великолепную работу по организации нашего съезда в Брюсселе, а потом в Лондоне. Что же случилось? Он, может быть, и бойцов нашей Красной Армии почует сегодня только голыми идеями? Но ведь это и есть полнейшая безыдейность. Товарищ Фотиева, я вас прошу срочно выяснить, как все-таки товарищ Горев строит сегодня свои взаимоотношения с бойцами. И, пожалуйста, сразу же поставьте меня в известность. Экий ведь Мульти Снеговал!

Верка понимала далеко не все из того, что говорил Ленин. Она дагадывалась, что Ленин адресует эти слова вовсе не только ей. Но ей было очень приятно, что Ленин говорит, глядя именно на нее, а окружавшие их люди так внимательно слушают, переключая взгляд с Ленина на Верку, а потом наоборот с Верки на Ленина. И подчас так, будто они слушают ее разговор с Лениным.

Ленин задумался на мгновение, словно пытаясь вспомнить еще что-то очень важное, но потом, вновь посмотрев на девочек, сказал, улыбаясь:

— Ну-с, Вера, Оля, мне пора! До свидания. Учитесь! Это самое главное. И помните — лучше носом, чем духом!

Малин был крайне удивлен, увидев девочек, возвратившихся не только живыми-здоровыми, но еще и в сопровождении красноармейца, несущего несколько больших свертков. Верка молчала. Она думала и все не могла чего-то додумать до конца. Слишком уж все было невероятно здорово и в то же время так просто. Оля же явно не терпелось. Вызывающе исповишь перед насторожившимся Малиным грандиозный реверанс, она с важностью развернула передним лист бумаги: «Читайте, гражданин Малин. Читайте! Только чтоб руками не хватать!».

Малин одел очки и, еле сдерживая одышку, прочел по слогам:

—Товарищам Фотиевой, Малькову, Корневу. Убедительно прошу: подателей сего — товарищей Гореву Вере Борисовну и Панфилову Ольгу Николаевну немедленно обеспечить необходимой одеждой, питанием, дровами. Взять под защиту советской власти.

Председатель Совета народных комиссаров —

В.УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН.

Борис ГУНЬКО.

Бунт, начавшийся в Лос-Анжелесе и прокатившийся затем по всей территории США, начался из-за зверского убийства черной женщины водителем Родни Кинга. Сцену зверского убийства засняли на видеокамеру. Пленку прокрутили по телевидению в нескольких программах новостей. Результат не заставил себя долго ждать...

Если верить слухам, первые камни полетели днем 29 апреля, когда все четверо полицейских, избивавших Родни Кинга, и оправдавшие их судьи покидали здание суда. Сразу после этого тысячи людей вышли на улицы Лос-Анжелеса. Через несколько часов бунт распространился по всему городу и уже очень скоро ситуация стала напоминать гражданскую войну. Полиция панически бежала, уступая улицы восставшей бедноте. Начались систематические поджоги капиталистических предприятий. Огонь смел более 5500 зданий. Восставшие стреляли в полицейских, по полицейским и журналистским вертолетам. Было разрушено 17 правительственных учреждений. Нападения и частично разрушению подверглось и помещение «Лос-Анжелес Таймс». Огромное облако дыма от пожаров покрыло весь город. Рейсы авиакомпаний, отправлявшиеся из Лос-Анжелесского международного аэропорта, были отменены, прибывающие самолеты вынуждены были менять курс из-за дыма и снайперского огня.

Вслед за культурной столицей нации спонтанные восстания распространились на несколько десятков городов Соединенных Штатов. Этот бунт стал единственным в своем роде столь насильственным эпизодом классовой борьбы в США в XX столетии, оставив далеко позади городские волнения шестидесятых, как из-за своей абсолютной разрушительности, так и потому, что бунты апреля-мая 1992 года были политическими восстаниями бедноты. Как заявил газете «Сан-Франциско Экземинер» Вилли Браун, известный представитель Демократической партии в законодательной ассамблее штата Калифорния: «Впервые в американской истории большинство демонстраций, и большая часть насилия и преступлений, в особенности грабежей, носили политический характер, в них были вовлечены все - чернокожие, белые, выходцы из Азии и Латинской Америки».

В самом начале бунтов полиция была разгромлена и в беспорядке отступала. Армия не появилась до тех пор, пока столкновения не пошли на убыль. Некоторые бунтовщики с мегафонами пытались превратить уличные бои в войну против богатых. «Мы должны жечь их кварталы, а не свои. Мы должны пойти на Голливуд и Беверли-Хиллз», — кричал в мегафон один мужчина (London Independent, 2 мая 1992.). Сожженные магазины всего в двух кварталах от домов богатых показывают, как близко подошли бунты к логову правящего класса.

СЕГОДНЯ МЫ БУДЕМ ПРАЗДНОВАТЬ, КАК-БУДТО НА ДВОРЕ 1999-й...

Восстание началось среди чернокожих, но вскоре распространилось на латиноамериканские кварталы Южного и Центрального Лос-Анжелеса и Лико Юнион, а затем на белые безработных в районе от Голливуда на севере до Лонг Бич на юге и Венеция на западе. Восточный Лос-Анжелес был пощажён лишь из-за массового сосредоточения там «сил порядка».

Все вышли на улицу. Там царил беспрецедентное чувство единения. Перед тем как поджигать магазины, люди забирали пожарные брандспойты, чтобы защищать свои дома от распространяющихся пожаров. Стариков эвакуировали сообща, словно это было семейное дело. Машины, полные людей, появились на трюкажной фабрике, все загрузились шмотьем и уехали прочь. Два дня продолжались массовые грабежи. Полиции нигде не было видно.

То-вары народного потребления перераспределялись, иначе некоторым людям не досталось бы ничего. Что касается избитого шофера грузовика Реджинальда Денни, то люди, напавшие на него, незадолго до этого защищали пятнадцатилетнего подростка от

Национально-освободительная борьба чернокожих американацев и революционное движение негритянского населения в Соединенных Штатах сегодня, как никогда, переживают подъем. Мы расскажем об одной из организаций, сражающейся за разрушение буржуазной цивилизации в Америке.

ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОГО АФРИКАНСКОГО НАРОДА (NAPRO)

NAPRO принадлежит к числу организаций черного населения Соединенных Штатов, которая связана с традицией, идущей от Малкольма Икса. В противоположность Мартину Лютеру Кингу, Малкольм Икс не видел возможности равноправной интеграции черного населения в белую Америку в единую американскую нацию. Белые приехали в Америку, как европейские эмигранты, как потенциальные рабовладельцы. Черные приехали как рабы, их корни лежат в Африке. Поэтому многие черные в Америке называют себя «новыми африканцами». Это значит, что они не принимают стандартной белой культуры и относят себя к особой культуре и особой идеологии. После убийства Мартина Лютера Кинга и Малкольма Икса и последующего разгрома «Черных пантер» становится все яснее, что белая Америка никогда не предоставит реальной эмансипации черному населению. Многие группы подхватили идею черного государства, пространства, на котором будут доминировать черные. NAPRO, как и многие другие группы, ведет борьбу за создание на юге США черной республики Новая Африка. Ос-

избивавшей его полицией. Это, конечно, не было сообщено в средствах массовой информации.

В статье, датированной первым мая, Гарри Кливер писал: «Замечательным в динамике восстания было то, что перестали действовать традиционные клапаны, выпускающие пар социального напряжения в капиталистическом обществе. Когда объявили приговор вечером в среду 29 апреля, все уважающие себя «лидеры общин» в Лос-Анжелесе, не исключая чернокожего шефа полиции майора Брэдли, попытались предотвратить столкновение, направляя возмущение людей в контролируемое русло. Были организованы собрания в церквях, где страстные молебны смешивались со столь же страстными негодующими речами, призванными дать беспомощный, очищающий выход эмоциям. В самом большом из подобных собраний, транслировавшемся по местному телевидению, отчаявшийся мэр зашел слишком далеко, просто умолял народ не выходить на улицы. Разбогатевшие и сделавшие себе карьеру представители цветных общин действовали так же как профбоссы - предатели рабочего класса, сотрудничающие с предпринимателями, которые главной своей задачей считают заключение соглашений и сохранение мира среди рабочих: лидеры общин считали своей главной целью поддержание порядка».

К счастью, им это не удалось. В первом аймаке в п у р к е «Нью-Йорк Таймс», газеты которой считает себя органом, отражающим интересы правящего класса в США, с тревогой отмечалось, что «в некоторых районах господствует атмосфера уличного праздника, чернокожие, белые, испаноязычные и выходцы из Азии объединились в карнавал грабежа. Пока бесчисленные полицейские молча наблюдали за происходящим, люди всех возрастов, мужчины и женщины, некоторые с маленькими детьми на руках, входили и выходили из супермаркетов, с большими сумками в руках и охаками обуви, бутылок, радиоприемников, овощей, париков, автозапчастей и оружия. Некоторые терпеливо стояли в очереди, дожидаясь, когда наступит их время». Либерально-предпринимательский юмористический журнал «Спу» писал о том, что люди, грабившие супермаркет на большой автостанке, специально открывали двери для инвалидов.

Очевидец, находившийся в Лос-Анжелесе, восклицал: «Эти люди не похожи на грабителей. Они точно-точно победители телевикторины». В грабежах, этом люмпен-пролетарском «кратковременном подавлении рыночных отношений», Гарри Кливер даже отметил возникновение «новых законов» (1) распределения и нового типа безденежного общественного порядка, когда огромные богатства переходят от предпринимателей к неимущим. В этом прямом присвоении, однако, мы должны видеть и политическое содержание, стоящее за поджогами: требование разрушить институты эксплуатации... Разрыв торговых сетей капиталистического общества - это удар по его кровеносной системе».

Образ этих бунтов, как и бунтов вообще, создаваемый противниками подобных восстаний, насквозь лжив. Бунты обычно представляют как цепь бессмысленных столкновений, когда бунтовщики бросаются друг на друга словно голодные акулы. А самом же деле преступления против людей практически исчезли, как только прежде разделенные пролетарии разных цветов кожи и национальностей объединились в массовое коллективное насилие, «пролетарском походе в магазины» и празднике разрушения. Во время бунтов было гораздо меньше изнасилований и групповых хулиганств, чем в обычные дни, когда господствуют «силы порядка».

Во время восстания молодые люди, которые прежде не могли пройти по соседней улице из-за того, что она находилась под контролем враждебной группировки, спокойно могли сделать это. Одна из жительниц Лос-Анжелеса сказала нам, что во время бунта как женщина она чувствует себя в большей безопасности на улице. Многодетные матери из четырех районов, получающие валфер, объединились, чтобы бороться против грозившего сокращения пособий. Когда эти женщины пикетируют конторы, занимающиеся социальным обеспечением, правящий класс знает, что за их спиной стоят более ста тысяч участников бунтов. По оценкам специалистов именно такое количество бедняков в Лос-Анжелесе и его окрестностях приобрело коллективный опыт поджогов, грабежей и столкновений с полицией - опыт разумного исполь-

Из бюллетеня австрийских революционных коммунистов «Info Verteile»

зования коллективного насилия как орудия политической борьбы. Число участников восстания приближается к шестизначной цифре. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в городе было арестовано свыше 11 тысяч человек (5000 чернокожих, 5500 выходцев из Латинской Америки и 600 белых). Огромному же большинству бунтовщиков и грабителей удалось уйти безнаказанными.

Значение восстания в Лос-Анжелесе, наверное, лучше всего можно оценить в сравнении с бунтом в Сан-Франциско, вторым по масштабу бунтом в стране (или, может быть, третьим, если считать вооруженные столкновения в Лос-Бегесе). Если бы бунт в Сан-Франциско случился сам по себе, независимо от событий в Лос-Анжелесе, он стал бы самым крупным в Калифорнии за шестидесять годов.

30 апреля в Сан-Франциско было разграблено более ста магазинов в районе центральной Маркет Стрит. Разгрому подверглось множество дорогих магазинов в финансовом центре города, восставшие вторглись в логово богатых - Ноб Хилл и побили изрядное количество шикарных машин. В одном из феешенбельных отелей группа молодежи, скандировавшая «Смерть богатым!», перебила все окна. Как и во время кампании против войны в Персидском заливе, демонстранты из Ист Бэй прошагали по шоссе номер 80 и перекрыли мост, создав пробки на дорогах, в которых

тер бунтов и предствать их как исключительное выражение «черной преступности». Белые рабочие и бедняки, вне зависимости от того, как они бедны и как они эксплуатируются, а также вне зависимости от того, как они сопротивлялись полиции и товарищеским отношениям, объединяются в этой пропагандистской схеме с богатыми белыми лишь на основании цвета кожи.

Здесь необходимо подчеркнуть, что мы не либералы и не расисты: нам жаль не разграбленных или сожженных предприятий, хозяевам какой бы расы и национальности они ни принадлежали, а того, что участники волнений не успели разграбить все магазины под ряд и оставили некоторые нетронутыми, ошибочно полагая, что черной буржуй чем-то лучше белого или желтого.

Волнения апреля-мая 1992 г., как и другие бунты, имевшие место за последние десять лет, отчетливо продемонстрировали, что наиболее реалистический, практический и непосредственный путь, который может помочь рабочему классу и бедноте преодолеть укоренившийся в людях расизм и расовое деление, может быть найден в насильственной борьбе против наших общих врагов - полицейских, предпринимателей, богатей и рыночной экономики.

2 мая 5000 лос-анжелесских полицейских, 1950 шерифов и их помощников, 2300 патрульных полицейских, 9975 национальных гвардейцев, 3300 военных и морских пехотинцев на броневиках, а также 1000 агентов ФБР и пограничников вошли в город, чтобы восстановить порядок и взять под охрану магазины. Сотни людей получили ранения. Большинство погибших во время столкновений были убиты именно в период подавления восстания и не были участниками бунтов. Убитые были в основном случайными свидетелями, ставшими жертвами полиции. Так, в Комптоне два выходца с Самоа были убиты при аресте, когда они уже покорно стояли на коленях. Полиция также всячески пыталась добиться прекращения перемирия между различными бандами. Им хотелось, чтобы рабочий класс Центрального и Южного Лос-Анжелеса начал стрелять друг в друга. Маоистский журнал «Революционный Рабочий» писал о том, что одна пожилая женщина говорила молодым людям, живая на полицейских: «Вам надо перестать убивать друг друга и начать убивать этих раздолбав». В Лос-Анжелесе было арестовано более 11 тысяч человек. Это были самые массовые аресты за всю историю Соединенных Штатов. Страховые компании, оценивая ущерб, нанесенный восстанием в Лос-Анжелесе, назвали его пятым по величине стихийным бедствием за всю историю США.

В самых радикальных и последовательных эпизодах классовой войны всегда были и всегда будут случаи бездумного использования насилия. В недавних бунтах тоже участвовали не ангелы, а живые люди из плоти и крови, со всеми пороками и ограниченностью, наложенными на них ужасающей нищетой и эксплуатацией, отражающими повседневное насилие этого странного общества со всеми его ужасами и мистификациями. Мы должны поддержать всех участников бунтов, вне зависимости от того, в чем их обвиняют и того, что мы считаем справедливым и несправедливым. Никто из них не может рассчитывать на справедливое судебное разбирательство, но даже если и мог бы, мы тем не менее должны придерживаться стратегии безусловной поддержки всех заложников, взятых государством во время первой волны событий.

Макс ЭГР

УРОКИ ЛОС-АНЖЕЛЕСКОГО ВОССТАНИЯ

застряли сотни тысяч автомобилей. Это было заслуживающее похвалы разумное тактическое использование порожденного капитализмом автомобильного урбанизма в качестве оружия против капитала. События в Лос-Анжелесе нашли отклик по всему побережью и в других районах Соединенных Штатов.

Несмотря на немногочисленные и нетипичные расистские инциденты, бунты были по большей части серией позитивных по своей сути событий, исключительно антиполицейскими восстаниями, приведшими к тому, что в районах, где они происходили, на время разрушались рыночные отношения и давала трещину тоталитарная реальность современной Америки.

Эти бунты были взрывным возвращением классовых войн в Соединенные Штаты в масштабах больших, чем героические восстания 1965-1971 годов. Эти бунты были более смешанными в расовом отношении, чем городские восстания предыдущих десятилетий, и стали очередным подтверждением неперекрывающейся войны между общественными классами.

Волна бунтов бедноты стала решительным ударом по триумфальной пропаганде правящих классов, последовавшей за падением их главного противника - Советского Союза и разгромом Панамы и Ирака. Эта пропаганда утверждала, что человечество как животный вид достигло «конца истории» и что демократия и рынок представляют собой неизбежный результат человеческой эволюции.

В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, КАК ВСЕГДА, ЛОЖЬ

Репортажи по радио и в газетах во время бунтов ясно показывают как наш враг, средства массовой информации, был поставлен в тупик внезапностью и размахом восстаний. Самым дезориентирующим и ужасным для этих лакеев правящего класса был по лиризмический, многонациональный характер восстания. В репортажных съемках на улицах всегда присутствовали люди всех цветов кожи. На протяжении пятидесяти лет одной из основ капиталистической идеологии в Соединенных Штатах было массированное и решительное отрицание того, что общество является классовым. Восстание же хотя бы на короткое время разрушило результаты полувекового внедрения демократической идеологии.

Пресмыкающимся перед властями масс медиа удалось заснять избитого белого водителя грузовика Реджинальда Денни и репортаж об этом очень нетипичном случае показывался снова и снова сотни раз с тем, чтобы очертить восстание как расовый бунт. Спасение Денни несколькими чернокожими показывалось по телевидению не столь часто. Ближе к концу восстания люди, спасшие Денни, по наивности или по глупости приняли награды за его спасение от представителей местного предпринимательства. Это позволило буржуазии присвоить право собственности на подобные гуманитарные акты и представить волнения исключительно как эпизод массового психоза или погрома. Этот стремительный и коварный переворот, совершенный богатыми и средствами массовой информации, вполне объясним, поскольку он исходил из региона, специализирующегося на экспорте зрелищ для всего остального мира.

Буржуазные средства массовой информации описывали грабежи и поджоги корейских магазинов как «расово мотивированные». К сожалению, многие предприятия не были тронуты лишь потому, что их владельцы или управляющими были чернокожие или потому, что там преимущественно работали чернокожие, как в случае с «Мак-Дональдсом». Однако, с другой стороны, это было проявлением классовой войны, проходившей в форме расового выступления, в котором рабочие и беднота, в большинстве своем оказавшиеся чернокожими, противостояли владельцам магазинов, которые в большинстве своем были корейцами. Соединенные Штаты - чудовищно расистское общество. Пятьдесят лет тотальной массовой дезинформации разрушили классовое сознание у бедняков и успешно разделили рабочий класс по признаку расы. Именно поэтому некоторые участники бунта выражали свою ненависть к постоянному ограблению неимущих в расовых терминах.

Средства массовой информации похоронили анализ причин восстания под ворохом поверхностных замечаний о расизме в Соединенных Штатах. Ограничивая бунты вопросом расовых взаимоотношений «белых» как таковых и «черных» как таковых, СМИ пытались скрыть политический харак-

Центральный Комитет Российского Коммунистического Союза Молодежи выражает свой гневный протест расистскому приговору, вынесенному чернокожему журналисту Мумиа Абу-Джамалу в США.

Не может судить чернокожего судья Альберт Сабо, потому что он — активист расистской организации «Арийское братство» и «прославился» особой жестокостью по отношению к людям с другим цветом кожи. Неправомочно обречь Абу-Джамала на насильственную смерть без достаточно веских улик, по ложным сфабрикованным обвинениям. Факт членства отважного журналиста в организации «Черные пантеры» не может быть основанием для вынесения смертного приговора.

Мы требуем отмены бесчеловечного смертного приговора Мумиа Абу-Джамалу, пересмотра дела, разоблачения инициаторов расправы над ним. Чернокожий журналист уже пострадал, будучи ранен во время попытки вступить за избиваемого полицией человека, а вину за преступление ложно пытаются возложить на него.

Свободу борцу за права чернокожих Мумиа Абу-Джамалу!

Нечистоплотных юристов, фальсификаторов правосудия — на чистую воду!

Нет — расизму, угнетению негров, латиноамериканцев и азиатов в США!

Центральный Комитет РКСМ.